

БЕЖИ КЕИНЫ

- СПАРТАК - ГЛАДИАТОР

Эта мужественная, страстная, бескомпромиссная книга чертовски хорошо читается.
В ней Спартак и Древний Рим вновь обретают яркую, красочную жизнь.
Стивен Прессфилд, автор мирового бестселлера «Врата огня»

The Big Book. Исторический роман

Бен Кейн

Спартак. Гладиатор

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кейн Б.

Спартак. Гладиатор / Б. Кейн — «Азбука-Аттикус», 2012 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21572-6

История сохранила очень мало сведений о Спартаке. Мы знаем, что он родом из Фракии, самого северного региона древней Эллады; что его продали в рабство и вынудили сражаться на аренах; что на протяжении двух лет возглавляемая им армия рабов громила легионы, едва не поставив Рим на колени. В этой книге мы встречаемся со Спартаком, когда он, ветеран многих войн, возвращается на родину, надеясь обзавестись семьей и домом. Но на фракийском троне теперь сидит новый царь, узурпатор; он тотчас приказывает схватить Спартака и продать римскому работоторговцу, который ищет новых гладиаторов. Так начинается одиссея, которой предстоит стать одной из величайших легенд. Судьба Спартака будет вдохновлять революционеров от Карла Маркса до Че Гевары, его образ обессмертят Рафаэлло Джованьоли и Кирк Дуглас. А теперь Спартак оживает на страницах блестящего бестселлера Бена Кейна. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21572-6

© Кейн Б., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Глава I	8
Глава II	21
Глава III	38
Глава IV	47
Глава V	58
Глава VI	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Бен Кейн

Спартак. Гладиатор

Посвящается моему брату Стефану

Ben Kane

SPARTACUS: THE GLADIATOR

Copyright © Ben Kane, 2012

First published as SPARTACUS: THE GLADIATOR in 2012 by Preface Publishing, an imprint of Cornerstone.

Cornerstone is part of the Penguin Random House group of companies.

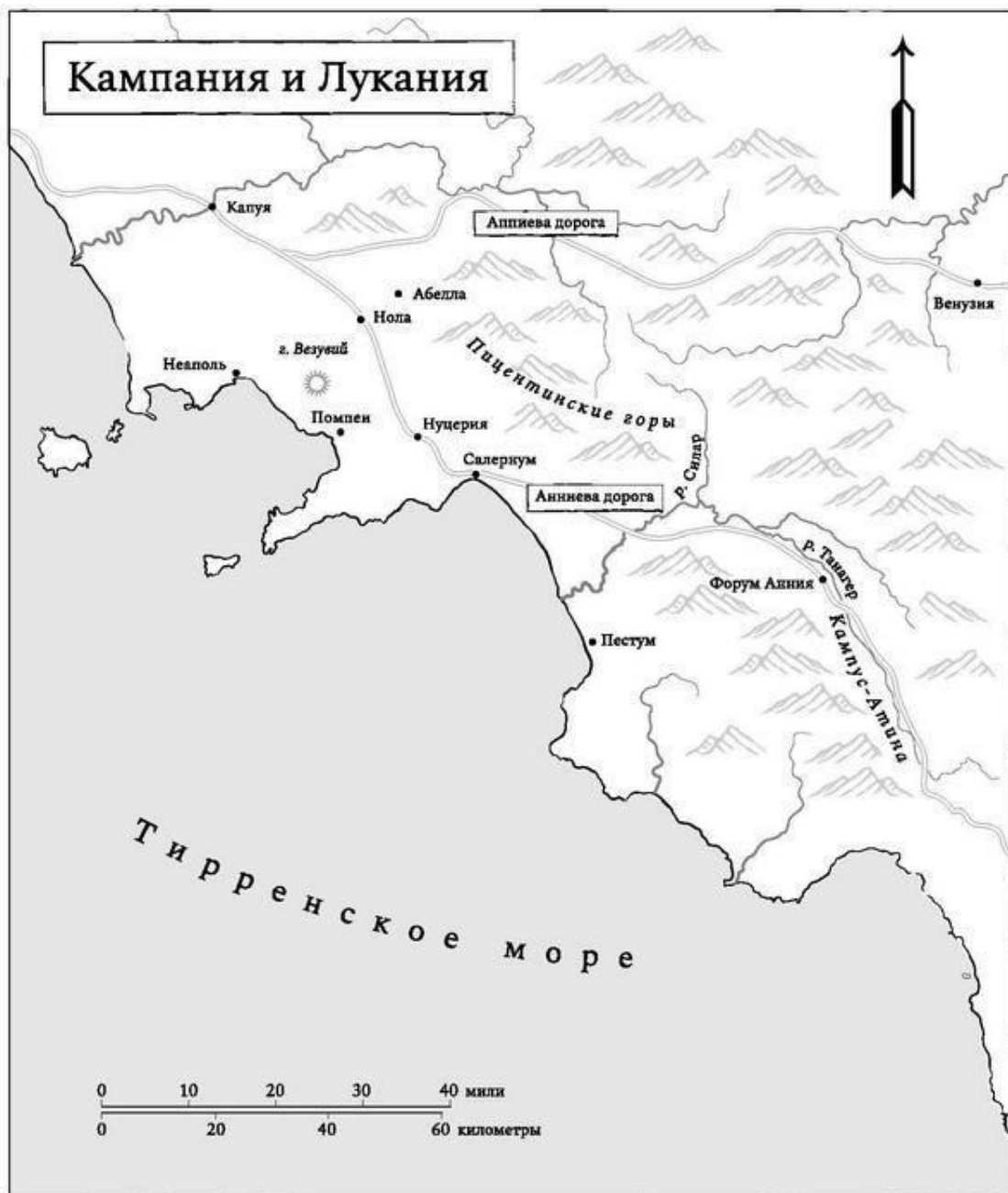
All rights reserved

© О. М. Степашкина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава I

Юго-запад Фракии, 74 год до н. э., осень

Когда на вершине отдаленного холма наконец-то показалось селение, радость захлестнула его. Дорога из Вифинии была долгой. Он стер ноги до волдырей, мышцы гудели, а спина болела от тяжести кольчуги. От холодного ветра ныли уши, и он ругал себя за то, что не купил меховую шапку в деревеньке, которую проходил двумя днями раньше. А все потому, что привык обходиться вместо тракийского алопексиса¹ из лисьего меха войлочным подшлемником, если нужно, то с бронзовым шлемом. Но в такую суровую погоду теплая одежда куда лучше воинского снаряжения. Боги, как же ему хотелось поспать под крышей! На путешествие из римского лагеря после увольнения со службы ушло больше полутора месяцев, а зима быстро приближалась. Путь должен был занять вдвое меньше, но на третий день его конь захромал. С тех пор путешественник шел пешком, чтобы не покалечить животное; самое тяжелое, что на него можно было нагрузить, – это щит и снаряжение.

– Любого другого коня я бы давно уже пожертвовал богам. – Мужчина дернул кожаный повод трусившего за ним белого жеребца. – Но ты хорошо мне служил последние годы. – Конь заржал, и путник улыбнулся. – Нет, яблок у меня не осталось. Но сегодня ты получишь достаточно еды. Мы уже рядом с домом, хвала Всаднику².

Дом. Сама мысль о нем казалась нереальной. Что это слово значит для него после стольких лет? Он сможет наконец увидеть отца, хоть тот уже и превратился в старика. Ветеран много лет не был дома – сражался за Рим, силу, которую ненавидели все фракийцы и которой тем не менее служили. Он пошел на эту службу ради благого дела. «Изучить их методы ведения войны, чтобы однажды использовать это знание против них. Отец хорошо придумал». Это оказалось невероятно трудно – подчиняться приказам тех, против кого он воевал; людей, которые, возможно, убили его брата и захватили его землю. Но оно того стоило. Он многому научился у этих мерзавцев. Например, безжалостно дрессировать солдат, пока они не начнут биться как единое целое. Как важно подчиняться приказам, даже в пылу битвы. А еще готовить бойцов, чтобы они оставались стойкими даже в самых сложных ситуациях. Дисциплина. Дисциплина и организация – вот два краеугольных камня.

«Не только желание изучить их военное искусство заставило тебя покинуть родной дом», – напомнил внутренний голос. Последнее поражение от римлян едва не уничтожило его племя. Не осталось ни единого шанса взять реванш, да и вообще сражаться с кем-либо. А он – воин, почитающий бога-всадника. И любит войну. Кровопролитие. Убийство. Служба римлянам дала возможность участвовать в их бесконечных военных кампаниях. И вопреки всему, что они сделали с его народом, мужчине нравилось сражаться бок о бок с ними.

«Я уже наелся этого досыта. Пора остановиться. Найти женщину. Завести семью». Он улыбнулся. Когда-то он отнесся бы к таким мыслям с пренебрежением. Теперь же они казались ему привлекательными. За время службы в легионе он повидал немало такого, от чего можно и поседеть. И ко всему привык. В пылу сражения сам поступал как римляне, но грабеж беззащитных становищ и селений, изнасилованные женщины, убитые дети – к этому у него душа не лежала.

¹ *Алопексис* – головной убор, известный еще со времен Древней Греции.

² Речь о фракийском боге-всаднике, известном под разными именами, например именем Герос, родственным греческому «герой».

– Потребуется пара лет на тщательное обдумывание планов. Время войны еще наступит, – сказал он жеребцу. – А пока мне нужна хорошая фракийская женщина, чтобы завести с ней кучу детишек. – (Конь легонько куснул хозяина за локоть в надежде на угощение.) – Если хочешь ячменя, давай-ка двигаться дальше, – ласково проворчал путник. – Я не собираюсь останавливаться и вешать тебе торбу, когда до села рукой подать.

Наверху слева что-то скрежетнуло по камню, и он беззвучно выругал себя за утрату бдительности. Если он никого сегодня не встретил на этом суровом пути, это еще не значит, что тот безопасен. Однако же боги были благосклонны к нему на протяжении всего его путешествия из Вифинии. В это время года из-за плохой погоды большинство фракийцев предпочитали сидеть дома, смазывать и укладывать на хранение оружие, готовясь к следующему сезону битв. Хорошее время для одинокого путника.

«Еще повезло, что до сих пор не нарвался на разбойников. А эти что-то чертовски близко к моему селу. Хоть бы их не оказалось слишком много». Притворяясь, будто решил размять плечи, путник покрутил головой, оглядываясь. Трое или четверо наблюдали за ним из укрытий на каменистых склонах с двух сторон от ухабистой дороги. Похоже, вооружены были дротиками – обычное дело для Фракии. Путник взглянул на луженый бронзовый шлем, свисающий из выюка на боку жеребца, и решил не надевать его. Мало кто из пельтастов³ способен попасть человеку в голову. Что же касается щита, его он успеет схватить, когда первые дротики еще будут в воздухе. Если в него все же попадут, возможно, защитит кольчуга. А вот отвязывать метательное копье слишком долго. Придется биться сикой, изогнутым фракийским мечом, что висел на позолоченном ремне перевязи. Шанс выйти живым был. Если только разбойники не отличаются особой меткостью. «Великий Всадник, присмотри за мной с мечом наготове».

– Я знаю, что вы там! – крикнул он. – Можете не прятаться!

Раздался хриплый смех. Один из бандитов встал шагах в тридцати от путника. С узкого лица, покрытого шрамами, смотрели безжалостные глаза. Вышитый шерстяной плащ распахнулся, открывая поношенную тунику длиной до середины бедра. На макушку разбойник нахлобучил засаленную лисью шапку. Ноги у него были худые, а высокие сапоги из телячьей кожи знавали лучшие времена. В левой руке он сжимал пельту, щит в форме полумесяца с торчащим из-за него запасным дротиком, а в правой – легкое копье, уже занесенное для броска.

Доспехов не было, и, кроме дротиков, путник заметил у разбойника лишь кинжал. Неплохо. Вряд ли приятели этого типа вооружены лучше.

– Какой у тебя хороший конь, – сказал головорез. – Жаль только, что хромой.

– Хромой. Иначе вы, говнюки, меня и не разглядели бы за поднятой пылью.

– Но он хромой, а ты пеший и один, – фыркнул другой.

Путник поднял голову. Второй разбойник был старше первого, с морщинистым лицом и седеющими волосами. Его одежда из конопляной ткани была такой же потрепанной, но в задумчивом взгляде читалась неистовая алчность. При всем его нищенском виде у разбойника имелся щит хорошей работы, а дротик явно привычно лежал в правой руке. Этот был самым опасным из всех. Вожак.

– Вы, я полагаю, хотите жеребца, – продолжил разговор путник.

– Ха! – Из укрытия встал третий. Этот оказался крупнее своих товарищей; руки и ноги его бугрились мускулами, и вместо дротика он был вооружен большим щитом-пельтой и зловещего вида дубинкой. – Мы хотим все. Твоего коня, твое снаряжение и оружие. Твои деньги, если они у тебя есть.

– Да и еду заберем! – Четвертый разбойник оказался худым как скелет, с запавшими щеками и землистым, нездоровым лицом. Этот был без щита, но с тремя легкими копьями.

³ Пельтаст – греческий термин, обозначающий пехотинцев, метавших дротики.

– А если я отдам вам это все, вы меня отпустите? – Из-за холода у него изо рта вырывался пар.

– Конечно, – пообещал первый, его тусклые, мертвые глаза и смешки его товарищей выдали ложь.

Путник не стал утруждать себя ответом. Он развернулся, негромко бросив жеребцу: «Стоять!» Когда сунул руку под большой круглый щит и рванул державший его ремень, мимо просвистел дротик. Следом по дуге пониже пошел другой и вонзился в пыль между копытами коня. Тот заметался.

– Спокойно! – приказал путник. – Ты не раз бывал в такой передраге.

Успокоенное голосом хозяина животное остановилось.

– Эагр, дурень, прекрати! – крикнул вожак. – Если ранишь коня, я тебя лично выпотрошу!

«Прекрасно. Дротиков больше не будет. Жеребец слишком ценен». Прижавшись спиной к крупу скакуна и вскинув щит, бывший легионер развернулся. Костлявый разбойник зашел ему в тыл, но метнуть копьё не рискнул. Равно как и его сообщники. Вытащив из ножен сику, путник мрачно усмехнулся:

– Вам придется спуститься и сразиться со мной.

– Ладно! – прорычал первый.

Он съехал по склону, тормозя каблуками. Двое товарищей последовали его примеру. Путник услышал, как позади спускается тощий разбойник. Жеребец оскалился и гневно заржал. «Пусть этот тип только попробует подойти поближе».

Бандиты остановились посоветоваться.

– Готовы? – насмешливо поинтересовался путник.

– Сукин сын! – рявкнул вожак. – Поглядим, как ты посмеешься, когда я отрежу твои яйца и запихну тебе в глотку!

– У меня они хотя бы есть. А вот у вас – не похоже.

Лицо здоровяка исказилось от ярости. Заорав во всю глотку, он вскинул щит и дубинку и бросился на противника.

Путник сделал пару шагов вперед, убрал левую ногу за щит и подобрался. Сжал сику крепче. «Нужно с ним быстро разделаться, чтобы не биться сразу со всеми».

К счастью, этот головорез был столь же тупым, сколь и самоуверенным. Стукнув щитом в щит противника, он замахнулся, метя дубинкой в голову. Приезжий uklonился и пригнулся. А потом ударил сикой за щит и перерезал здоровяку сухожилие под левым коленом. Пронзительно завопив, тот рухнул. Ему хватило ума прикрыться пельтой, но путник сшиб ее своим щитом и вонзил меч разбойнику в глотку. Бандит умер, захлебываясь собственной кровью.

Воин вырвал меч и пнул труп.

– Кто следующий?

Вожак прошипел приказ костлявому, а потом они с разбойником в шапке разошлись в стороны. Они принялись обходить свою жертву с боков, беря в клещи.

Жеребец снова заржал и встал на дыбы. Бывший легионер шагнул вперед, отводя коня с пути. Мгновение спустя раздался сдавленный крик и глухие удары копыт, ломающих кости, а потом – удар тела об землю.

– Может, мой конь и хромым, но по-прежнему норовистый, – спокойно произнес путник. – Мозги твоего друга, должно быть, украсили дорогу.

Двое оставшихся грабителей потрясенно переглянулись.

– Даже не думай сбежать! – предупредил вожак. – Эагр был сыном моей сестры. Я отомщу за его смерть.

Путник как бы случайно чуть-чуть опустил щит, приоткрывая шею. «Надеюсь, кто-нибудь из них клюнет».

Разбойник в лисьей шапке стиснул зубы.

– Да плевать на этого коня! – крикнул он, швыряя дротик.

Воин даже не попытался уклониться. Он просто вскинул щит и принял дротик на многослойное дерево и кожу. Острый железный наконечник вонзился в щит на глубину двух пальцев, но бойца не зацепил, и он тут же швырнул щит в головореза. Тот отскочил, уворачиваясь от удара. Но вот чего он не ожидал, так это того, что путник кинется следом за летящим щитом. И когда разбойник ткнул в противника вторым дротиком, тот просто смёл дротик в сторону.

А потом, используя инерцию движения, впечатал левый кулак грабителю в лицо. От силы удара голова откинулась назад, и разбойник не успел заметить сика, вонзившуюся в его плоть там, где шея смыкается с корпусом. Разбрызгивая кровь, он рухнул с удивленным видом на дорогу. Алая струя, пульсирующая в ритме сердца, оросила землю вокруг убитого. «Трое готовы, но остался самый опасный».

Путник быстро развернулся, уверенный, что вожак попытается заколоть его со спины. Это и спасло его: дротик скользнул по кольчуге. Разбойник, потеряв равновесие, пролетел вперед и споткнулся. А потом, получив мощный удар левой в лицо, грохнулся на задницу, попутно выронив оружие.

Он уставился на путника с ужасом в глазах.

– У меня жена... с-семью к-кормить надо... – запинаясь, пробормотал разбойник.

– Тебе следовало подумать об этом прежде, чем устраивать засаду на меня! – рявкнул путник в ответ.

Бандит закричал: сика вонзилась в его живот, разрезая внутренности. Всхлипывая от боли, вожак ожидал смертельного удара. Но его не последовало. Он остался лежать, беспомощный, то теряя сознание, то снова приходя в себя.

Несколько мгновений спустя он открыл глаза. Его убийца бесстрастно наблюдал за ним.

– Не оставляй меня умирать! – взмолился вожак. – Даже Котис не поступил бы так с человеком.

– Котис?! – Не услышав ответа, бывший легионер пнул свою жертву. – Ты собирался отрезать мои яйца и скормить их мне. Забыл?

– П-пожалуйста! – сквозь боль просил разбойник.

– Ну ладно.

Сика взметнулась.

– Ради всех богов, кто ты такой? – прошептал бандит.

– Просто усталый путник на хромом коне.

Удар клинка – и глаза грабителя распахнулись в последний раз.

Ариадна зачесала волосы назад и осторожно воткнула пару костяных шпилек в длинные черные пряди, закрепляя их. Усевшись на трехногий табурет перед низким деревянным столиком, она повернула бронзовое зеркало так, чтобы уловить тусклый дневной свет, проникающий в хижину через открытую дверь. Этот обработанный кусок золотисто-красного металла был ее единственным предметом роскоши, и она время от времени пользовалась им, чтобы напомнить себе, кто она такая. Сегодня был подходящий для этого день. Для подавляющего большинства жителей селения она не была ни женщиной, ни родственницей, ни подругой. Она была жрицей Диониса, и за это ее почитали. Большую часть времени Ариадну вполне это устраивало. Прежде она и мечтать не могла о таком высоком положении. Но статус жрицы не отменял свои собственные нужды и мечты. «Что плохого в том, чтобы желать себе мужчину? Мужа?» Ариадна поджала губы. На данный момент единственным, кто выказывал к ней интерес, был Котис, царь племени мёзов⁴. А конкурентов он не терпел. Те, кто переходил дорогу Котису,

⁴ Мёзы (мисы) – группа фракийских племен.

быстро умирали, – во всяком случае, так гласили слухи. Не то чтобы женихов когда-нибудь было много – с горечью подумала девушка. Мужчина, которому хватает храбрости приударить за жрицей, воистину редкий зверь.

Ариадна не ценила докучливых ухаживаний Котиса и не желала их, но не чувствовала в себе сил их остановить. Он пока не перешел к откровенным домогательствам, но девушка была уверена, что обязана этим исключительно своему положению – и ядовитой змее, которую она держала в корзинке у постели. Положение осложнялось тем, что она вынуждена была оставаться в селении. Ее послали сюда верховные жрицы из Кабиле, единственного фракийского города, находящегося далеко на северо-востоке. Назначение оказалось пожизненным.

Если она вернется в Кабиле, то будет до конца дней своих выполнять грязную работу при главном храме.

О том, чтобы вернуться к семье, и речи быть не могло. Хотя Ариадна любила мать и молилась за нее каждый день, к отцу она испытывала лишь два чувства. Первым была ненависть, вторым – омерзение. Чувства эти зародились в ужасном детстве. Все ее существование состояло тогда из побоев и унижений, а то и чего похуже, и все это от рук собственного отца. Воин из племени одрисов⁵ ненавидел дочь за то, что она, его единственный ребенок, – не мужчина. В те долгие годы мучений ее способом отрешиться от действительности были молитвы Дионису, богу виноделия и религиозного экстаза. Ариадна и по сей день верила, что Дионис помог ей пережить нескончаемое насилие.

Ей никогда в голову не приходило, что можно сбежать от отца как-то иначе, чем через брак. Ариадне просто некуда было идти. Но потом, в ее тринадцатый день рождения, все изменилось. Забитая мать убедила отца позволить дочери посетить храм Диониса в Кабиле – как возможной кандидатке в жрицы. Когда девочка оказалась там, ее глубокая вера произвела впечатление на жрецов, и ей позволили остаться. С тех пор миновало больше десяти лет, но Ариадна до сих пор не испытывала ни малейшего желания вернуться домой. Разве затем, чтобы убить отца, – но это было бы бессмысленно. Как жрица, она стояла выше обычных женщин, но отцеубийцу ничто не спасет.

Нет, наилучшим вариантом для нее было перетерпеть ухаживания Котиса – Дионис, пусть его внимание поскорее привлечет какая-нибудь большеглазая красотка! – и обосноваться здесь. Прошло всего шесть месяцев с того момента, как она прибыла сюда, в главное селение племени мёзов. Не так уж много. Ариадна вскинула голову. Конечно, существовал и другой вариант. Если Котиса свергнут, его место может занять человек получше. Она пробыла здесь достаточно долго, чтобы почувствовать: люди недовольны его правлением. О предыдущем царе, Ресе, и его сыне Андриске, особо не жалели, а вот Ситалк, человек из уважаемого рода, который мог бы сменить их, пользовался популярностью. Об этом старались не говорить там, где разговоры могли услышать телохранители Котиса, но многие с ностальгией вспоминали о Ситалке и двух его сыновьях – один из них погиб в битве с римлянами, а второй ушел служить завоевателям, да так и не вернулся.

«Если бы кто-то решился сделать шаг и разжечь тлеющую ненависть против Котиса!» – подумала Ариадна. Короткий жестокий бой, и с этим скотом будет покончено. Не в первый уже раз она прокляла судьбу за то, что родилась женщиной. «За мной никто не последует». Девушка принялась изучать в бронзовом зеркале лицо в форме сердечка, с прямым носом, высокими скулами и решительным подбородком, обрамленное черными локонами. А еще Ариадна была обладательницей кремове-белой кожи, что не отразит гладкая бронза, совершенно не подходящей для палящего фракийского солнца. Предплечья жрицы украшали завитки узоров из вытатуированных точек. У девушки были худые, но мускулистые плечи и маленькая грудь. Что Котис в ней нашел? Не красавица. Внешность, быть может, яркая, но ничего особен-

⁵ *Одрисы* – крупное фракийское племя.

ного. В голову пришел лишь тот же ответ, что и всегда: он просто желает усмирить непокорную гордочку. Ариадна высоко ценила свой мятежный характер. Благодаря эмоциональности она с легкостью входила в транс менады и достигала состояния, в котором можно встретиться с Дионисом и узнать, чего он желает. «Мой дух не принадлежит никому из мужчин! – яростно подумала Ариадна. – Только богу!»

Девушка перешла к своей незамысловатой постели в углу хижины – одеяло поверх тонкого слоя соломы. На таких спали все жители селения. Фракийцы славились аскетичностью, и в этом Ариадна от них не отличалась. Она набросила темно-красный шерстяной плащ. Он не только обозначал ее статус, но и укрывал ночами. Потом Ариадна взяла плетеную корзинку, стоящую в изножье кровати, и поднесла ее к уху. Тишина. Неудивительно. Змея в корзинке плохо переносила промозглую осень, и самое большее, что могла сделать жрица, – время от времени вывести рептилию из оцепенения и обернуть вокруг собственной шеи перед совершением обряда в храме. К счастью, этого несложного приема хватало, чтобы вызвать трепет у жителей селения. Для самой же Ариадны змея была всего лишь инструментом, позволяющим поддерживать окружающую ее атмосферу таинственности. Девушка уважала это существо и, по правде говоря, немного побаивалась его, но в Кабиле ее в полной мере обучили обращаться со змеями.

Прихватив корзинку, Ариадна вышла. Ее прямоугольную хижину, как и большинство других в селении, построили из переплетенных веток, густо обмазанных глиной. Двускатную крышу покрывала смесь глины с соломой; в одном конце находилось отверстие для дыма. Позади хижины проходил вал, окружающий жилые помещения Котиса. Это была дополнительная линия обороны внутри укреплений селения, подчеркивающая особое положение царя и защищающая от возможных бунтов местных жителей. По бокам располагались другие хижины, обнесенные загородками, – там хозяева держали домашний скот. Жилища стояли вдоль извилистых тропинок, рассекающих обширное селение. Они, так же как навозные кучи и груды мусора, разрослись за те века, что здесь обитали люди. Ариадна была бесконечно рада, что ее хижина находится на достаточном расстоянии от этих необходимых, но зловонных куч.

Она пошла по переулку к центру селения, отвечая на почтительные приветствия встречных сдержанной улыбкой или кивком. Женщины с младенцами и старики просили ее благословения или совета, но в то же время все, кроме храбрейших воинов, старались избегать ее взгляда. Дети же разделились на две группы: те, кто ее боялся, и те, кто просил показать змею. Первых было куда больше, чем вторых. Мало что нарушало одиночество Ариадны. Она прогнала меланхолию. Бог пошлет ей мужчину, если сочтет это нужным. А если и не сочтет, она все равно будет верно служить Дионису, как обещала при посвящении.

Тропа перед ней вильнула, и показалась группа богато одетых воинов. У Ариадны екнуло сердце. Не только заносчивость мужчин подсказывала, кто они такие. Их красные туники с длинными рукавами и вертикальными белыми полосами, бронзовые шлемы искусной работы и инкрустированные серебром наголенники просто кричали о статусе и важности, равно как и их хорошие дротики, мечи-копья и длинные изогнутые кинжалы. Ариадна беззвучно выругалась. Где столько телохранителей, там где-нибудь поблизости и Котис. Бросив взгляд влево, она поздоровалась с пожилой женщиной, мужа которой недавно лечила. Та тут же разразилась хвалами Дионису. Улыбаясь, жрица подошла к хижине женщины, повернувшись спиной к тропинке. Немного везения, и телохранители ее не заметят. Может, они даже не ее ищут.

– Жрица!

Ариадна мысленно выругалась. Она продолжала слушать тараторящую старуху, но тот же голос раздался снова, прямо у нее за спиной:

– Жрица!

Путник не стал задерживаться на месте неудавшейся засады. Конечно же, взять у разбойников было нечего. Он почистил меч, выдернул из щита вонзившийся дротик и снова привязал щит к вьюку на спине коня. Оставив трупы валяться, зашагал к селению. Если им повезет, они доберутся туда до темноты. Думать о другом варианте было невыносимо. Тускло-желтые тучи в небе грозили ранним снегопадом. Однако же удача его не покинула. То ли дело в азарте, бурлящем в жилах скакуна после боя, то ли вмешался Великий Всадник – этого путник не знал, – но теперь жеребец, похоже, куда свободнее наступал на больную ногу. Когда упали первые хлопья, до селения было уже рукой подать.

Воздух прорезало громкое блеяние, и путник поднял голову. Маленький мальчик в компании пары собак гнал к дороге стадо овец и коз.

– Не одни мы стремимся в укрытие, – сказал бывший легионер коню. Они остановились, давая парнишке возможность завести своих негодующих подопечных на каменистую дорогу. – Надвигается непогода. Ты мудро поступаешь, что идешь домой, – дружески произнес путник.

Мальчик остановился.

– Ты кто? – с подозрением спросил он.

– Меня зовут Пейрос, – соврал путник. Даже совсем рядом с домом ему не хотелось раскрывать, кто он такой на самом деле.

– Никогда о тебе не слышал, – последовал быстрый ответ.

– Ты, наверное, еще ползал по медвежьей шкуре у ног матери, когда я покинул селение.

Настороженности во взгляде мальчика поубавилось.

– Возможно.

Он погнал последних овец и коз на дорогу, вопя и размахивая руками. Псы носились туда-сюда, подгоняя отстающих. Путник наблюдал. Когда все стадо благополучно спустилось, он зашагал рядом с юным пастухом.

– Как там Рес? – спросил он.

– Рес? Старый царь?

– Да.

– Он умер четыре года назад. Мор его забрал.

– Так, значит, теперь правит его сын Андриск?

Мальчик презрительно взглянул на собеседника:

– Смотрю, ты действительно был в далеких краях. Андриск тоже мертв. – Он настороженно огляделся и прошептал: – Убит, как и Ситалк. – Мальчик заметил ужас в глазах путника. – Знаю, это плохо. Мой отец говорит, что в конце концов Великий Всадник накажет Котиса, но пока что нам приходится жить с ним.

– Котис убил Ситалка?

– Да, – ответил паренек и сплюнул.

– И он теперь царь?

Кивок.

– Ясно.

Воцарилось молчание. Мальчик не решился его нарушить. Он бы не сознался в этом, но мрачный путник его пугал. Мгновение спустя мужчина остановился.

– Ты иди. – Он указал на своего жеребца. – Его нельзя заставлять слишком долго идти из-за больной ноги. Встретимся в селении.

Облегченно кивнув, мальчик погнал стадо дальше. Путник подождал, пока тот отойдет, и закрыл глаза. Его грызла вина. «Если бы только я был здесь, все могло пойти иначе». Но он не дал волю чувствам. «А может, и нет. Они бы и меня убили. Отец был прав, когда решил отослать меня». Отчего-то он был уверен, что Ситалк не стал бы ничего менять. Как бы то ни было, весть об убийстве отца ввергла его в печаль. Он вспомнил Ситалка таким, каким видел его в последний раз: сильного, стройного, здорового. «Покойся с миром». Он хотел лишь

одного – попасть домой. Ведь его служба у ненавистных врагов закончилась. Узнать о смерти отца само по себе достаточно плохо, но, если Ситалка действительно убили, теплый прием его не ждет. Да и отдых тоже. Но все же ему даже в голову не пришло развернуться и отправиться обратно. Придется мстить. Этого требовала честь. И, кроме того, куда ему идти? Снова на службу, в легион? «Конечно нет». Настало время вернуться, какой бы прием его ни ждал. «Великий Всадник, я не сомневаюсь в твоей воле. А взамен я прошу защитить меня, как ты делал всегда, и помочь мне покарать убийцу моего отца». То, что для этого требовалось убить царя, нисколько не ослабило его решимости.

– Пойдем, – сказал он жеребцу. – Отыщем тебе какой-нибудь закуток и немного еды.

Ариадна медленно повернулась:

– Поллес? Какая неожиданность. – Она даже не пыталась скрыть ледяного тона. Может, Поллес и воин Котиса, но прежде всего он – заносчивый громила, злоупотребляющий властью.

– Царь желает говорить с тобой, – растягивая слова, произнес Поллес.

Несмотря на видимость вежливости, это был приказ. «Да как он смеет?!» Ариадна заставила себя сохранять невозмутимое выражение лица.

– Мы разговаривали не далее как вчера.

Тонкие губы Поллеса изогнулись в жалком подобии улыбки. Все в нем, от поразительно красивого лица до длинных черных волос и умашенных маслом мускулов, отдавало большим самолюбием.

– И тем не менее он желает... снова насладиться твоим обществом.

Ариадна уловила короткую, но явно намеренную паузу в его речи. Судя по смешкам других воинов – они тоже. «Грязный подонок, – подумала она. – В точности как его хозяин».

– Когда?

– Ну, сейчас, – удивленно ответил громила.

– И где он?

Поллес лениво махнул куда-то за спину:

– На центральной площади.

«Там, где все могут его видеть».

– Я скоро подойду.

– Котис послал нас сопроводить тебя к нему. Немедленно, – нахмурившись, проговорил Поллес.

– Может, он вас и послал, но я сейчас занята. – Ариадна указала на лебезящую старуху. – Ты что, не видишь?

Поллес покраснел от раздражения:

– Я...

– Или желания царя важнее трудов в честь бога Диониса? – поинтересовалась Ариадна, приподнимая крышку корзины.

– Нет. Конечно нет, – пяясь, отозвался Поллес.

– Вот и хорошо. – Ариадна повернулась к нему спиной.

Позади раздалось гневное бормотание:

– Не знаю я, что тебе сказать царю. Скажи, что мы ее не нашли. Скажи, что она в трансе...

Сделай что-нибудь! – рявкнул Поллес.

Ариадна услышала удаляющийся топот и позволила себе слегка улыбнуться. Однако же ее разговор со старухой вскоре заглох. Неудивительно. Если в нескольких шагах от тебя стоит царский охранник и злобно на тебя тарашится, кто угодно испугается. Благословив старуху, Ариадна взглянула на Поллеса:

– Я готова.

Тот неуклюже кивнул. Воины окружили жрицу, умело сомкнув ряды, и Поллес повел их вперед, рвякая на всякого, кому хватало глупости оказаться у него на пути. Вскоре они добрались до большой круглой площади в окружении десятка хижин. Женщины несли выстиранное белье с реки, сплетничая по пути. Дети разного возраста играли или дрались в грязи, а тощие дворняги в возбуждении прыгали вокруг них, оглашая воздух пронзительным лаем. Над крышей кузницы поднимался дым. Изнутри доносился стук молота по наковальне. Несколько мужчин ждали снаружи с поврежденным оружием в руках. На площади стояли деревянные прилавки: здесь торговали изделиями из металла, шкурами и самым необходимым вроде зерна, горшков и соли. Здесь же располагались жалкий постоялый двор и три храма, посвященные Дионису, богу-всаднику и богине-матери. Вот и все.

Подобно собратьям-фракийцам, мёзы не склонны зарабатывать на жизнь торговлей. Их земли были бедны природными богатствами. Земледелие лишь позволяло выжить или немногим более, так что мёзы сделались бойцами, чей смысл существования сводился к войне, как на своей земле, так и за ее пределами. И облик местных мужчин это доказывал: в основном то были крепко сбитые воины, смугловатые шатены или рыжие. Возраст самый разный, от юношей до седобородых, но всех отличала уверенность в себе. Носили в этих местах, как правило, складчатые туники с короткими рукавами самых разных цветов – от красного и зеленого до коричневого и кремового, сандалии или кожаные башмаки. Многие надевали вездесущий алопексис, остроконечную шапку из лисьего меха, с длинными ушами. У тех, кто побогаче, на шее красовались бронзовые или золотые гривны. И у каждого на поясе или перевязи висел меч или кинжал, а то и оба сразу.

Поллес со своими людьми привлекали всеобщее внимание. Ариадна чувствовала, как давят на нее взгляды зевак, когда она с сопровождающими шла к храму Диониса. Храм превышал размерами большинство здешних зданий; по обе стороны от входа в него высились квадратные каменные колонны. Она слышала шепотки в толпе. Эти люди были достаточно храбры, чтобы идти в бой, но пасовали выступить против возмущавшего их царя. Девушка ненавидела их. Ариадна чувствовала себя очень одинокой.

Царь ждал у дверей храма. По бокам от него замерли телохранители, а перед ним толпились воины. Смотрелся он весьма внушительно. Котису было около пятидесяти, но выглядел он лет на десять моложе. В волнистых черных волосах не было ни намек на седину, а хитрое лисье лицо почти не тронули морщины. Поверх пурпурной туники длиной по колено на Котисе был железный доспех с золотой отделкой и парными нагрудными украшениями из того же драгоценного металла. Многослойные льняные птериги⁶ закрывали пах, а голени защищали наголенники, инкрустированные серебром. На позолоченном поясе, в ножнах, усеянных янтарем, висел меч с рукоятью из слоновой кости. На голове Котиса красовался богато изукрашенный аттический шлем, символизирующий его царскую власть.

Пока воины Поллеса вели Ариадну сквозь толпу, Котис жадно оглядывал девушку.

– Жрица! Наконец-то ты удостоила нас своим присутствием! – воскликнул он.

– Государь, я пришла сразу же, как только смогла. – Вдаваться в дальнейшие объяснения Ариадна не стала.

– Превосходно. – Котис повелительно взмахнул рукой, и воины, сопровождавшие жрицу, отошли в сторону. Девушка неохотно сделала шаг вперед, потом еще несколько. Ариадна спиной чувствовала ухмылку Поллеса. Повернув голову, она свирепо взглянула на наглеца. Это движение не укрылось от внимания Котиса, и тот снова взмахнул руками. Телохранители отступили шагов на двадцать в сторону кузницы.

– Прости Поллесу его невоспитанность, – сказал царь. – Из него неважный мальчик на побегушках.

⁶ Птериги – элемент доспеха.

«Тогда зачем было его посылать?»

– Я понимаю, – пробормотала она, подавляя гнев.

– Хорошо. – Котис достиг предела своей любезности. – Тогда нетрудно будет заключить соглашение, – бесцеремонно заявил он.

Ариадна приподняла брови:

– И какое же?

– Поужинай со мной в моих покоях как-нибудь вечером. Там не нужен будет ни Поллес, ни сопровождение.

– Боюсь, это невозможно, – ледяным тоном ответила Ариадна.

– Ты что, забыла, кто я такой? – сердито зыркнул на нее Котис.

– Конечно же нет, государь. – Ариадна опустила глаза, изображая скромность. – Однако вечер – лучшее время для общения с богом, – солгала она.

– Не может же это происходить каждый вечер! – рявкнул царь.

– Нет, сны приходят лишь иногда. Пути Диониса загадочны.

Котис с пониманием кивнул:

– Как и пути бога-всадника.

– И именно потому, что сны даруются непредсказуемо, я должна всегда быть готова их воспринять. Нельзя провести и вечер вдали от храма. А теперь прошу прощения, но я должна вознести молитвы. – И хотя сердце ее бешено колотилось, девушка поклонилась и улыбнулась Котису, прежде чем пройти мимо него.

К потрясению Ариадны, он схватил ее за руку. Жрица выронила корзинку, но, увы, крышка не открылась.

– Ты делаешь мне больно!

– Ты думаешь, это больно? – Котис расхохотался и придвинулся так, что его лицо оказалось вплотную к лицу девушки. – Ну так знай, сучка, ты играешь на свой страх и риск. Я не буду терпеть это вечно. Не забывай, я тоже жрец. Ты ляжешь со мной так или иначе. И очень скоро. – Он неожиданно разжал хватку, и побледневшая Ариадна отшатнулась.

Она бы дорого дала, чтобы сейчас ударила молния и поразила мерзавца. Но естественно, ничего такого не произошло. Да, она представительница божества – но то же самое относится и к Котису. В нынешней ситуации Ариадна была бессильна. Кабиле с его могущественным советом жрецов далеко. Впрочем, они все равно не стали бы вмешиваться. Котис – правитель мёзов и верховный жрец бога-всадника и обладает здесь всей полнотой власти. Девушка скованно поклонилась. Губы Котиса искривились в презрительной усмешке.

– Мы еще поговорим, – проскрежетал он. – В ближайшее время.

Ариадна донесла корзинку до дверей храма и поставила ее. У нее дрожали руки. Она подняла тяжелый засов, впуская свет в полутемное помещение. Когда Котис удалился, она судорожно вздохнула. Ноги ее не держали, и девушка кое-как доковыляла до одной из скамеек у боковой стены. Закрыв глаза, Ариадна сделала глубокий вдох и задержала дыхание, считая удары сердца. На счет «четыре» она медленно выдохнула. «Дионис, помоги мне! – взмолилась девушка. – Пожалуйста!» Она продолжала медленно дышать. Наконец на нее снизошло зыбкое ощущение спокойствия, и плечи ее немного расслабились. Однако же страх по-прежнему гнезвился где-то внутри. Нужно что-то посерьезнее молитв, чтобы не позволить Котису взять дело в свои руки. Ариадна чувствовала себя совершенно беспомощной.

Чей-то сдержанный кашель прервал ее размышления.

Ариадна повернула голову. Солнечный свет обрисовывал фигуру в дверном проеме, но не давал узнать ее. Паника пронзила девушку словно иглами, прежде чем она успела взять себя в руки. Котис или Поллес не были бы столь вежливы.

– Кто там?

– Меня зовут Берисад, – почтительно ответил человек. – Я торговец.

Жрица в душе Ариадны взяла верх.

– Входи же, – велела она, скользнув навстречу гостю; Берисад оказался невысоким мужчиной на исходе средних лет, с коротко подстриженной бородой и глубоко посаженными умными глазами. – Ты ведь с дороги, – добавила она, взглянув на запыленную зеленую тунику и свободные штаны.

– Я пришел с востока. Это было долгое путешествие, но не слишком опасное. Я хочу сразу же вознести хвалу своему богу. – Берисад постучал пальцем по кошельку на поясе; тот звякнул.

Ариадна провела торговца к каменному алтарю. На постаменте стояла большая раскрашенная статуя Диониса. В одной руке бородатый бог держал виноградную лозу, а в другой – чашу. У ног его плескались волны, обозначая, что он властен над водой. По одну сторону от него было изображено изваяние быка с человеческим лицом, а по другую – скакало несколько сатиров. На алтаре у ног божества лежали пучки засохших цветов, стояли миниатюрные сосуды с вином и крохотные копии статуи. Свет играл на кусочках янтаря и стекле. Там были также самые разные раковины: длинные бритвенно-острые, ребристые, и самая ценная среди них – редкая раковина каури, пятнистая, как леопард.

Преклонив колени, Берисад положил свой кошелек среди других подношений.

Ариадна отошла, чтобы не мешать гостю молиться. Ей тут же представился ухмыляющийся Котис, и настроение снова испортилось. Она не знала, как избавиться от него, и ее охватило отчаяние. Подумав, что медитация немного исправит ситуацию, девушка закрыла глаза и попыталась войти в то состояние спокойствия, которое столь часто помогало ей осознать желания бога. Но ничего не получилось. Вместо этого ей представилось, как Котис волочет ее к себе в постель.

– Госпожа, как они тебя именуют? – раздался совсем рядом голос Берисада.

Она с огромным облегчением вернулась в нынешний момент.

– Ариадна.

– Когда я приезжал сюда в прошлый раз, тебя еще не было.

– Нет. Я приехала шесть месяцев назад.

Торговец кивнул:

– Да, помню, старый жрец тогда занемог. Уверен, что ты останешься здесь на долгие годы, чтобы радовать взор благодарных путников.

– Ты очень добр, – внутренне сжавшись, пробормотала Ариадна.

«Если бы только ты знал правду!»

– Кстати, скоро прибудет следующий паломник.

– Что? – Ариадна почти не слушала торговца. Ее снова терзало беспокойство из-за Котиса.

– Вчера я встретил воина, который возвращается сюда. Он бы пошел с нами, но у него лошадь хромает. Похоже, он долго служил у римлян, в ауксиларии⁷. Он хотел поблагодарить богов племени за благополучное возвращение. Спокойный такой, молчаливый.

– В самом деле? – рассеянно откликнулась Ариадна. Ее мало интересовало возвращение еще одного местного жителя, служившего наемником у римлян.

Берисад заметил, что она погружена в свои мысли.

– Благодарю тебя, госпожа, – пробормотал торговец, отходя.

Ариадна одарила его сияющей улыбкой. Но в душе она захлебывалась криком.

⁷ *Ауксилария* – вспомогательное войско римлян, набиравшееся из подвластных народов. Существовали разные виды ауксилариев.

Когда путник стал подниматься по склону к обнесенному частоколом селению, его захлестнули воспоминания. Как он в жаркие летние дни вместе с другими мальчишками купался в быстрой реке, протекающей рядом с селением, и пас выносливых лошадей, на которых ездили воины побогаче. Как охотился в высящихся вокруг горах на оленей, кабанов и волков, а в шестнадцать его признали воином, когда он убил своего первого противника. Как стоял на коленях в священной роще на вершине ближайшей горы и молил бога-всадника о вразумлении и наставлении. Как его мать умерла, рожая его сестру, прожившую в этом мире меньше месяца, и как отчаянно он желал, чтобы этого не случилось. День, когда он услышал, что Рим вторгся во Фракию. Как он ехал сражаться с легионами вместе с отцом, братом Мароном и другими соплеменниками. Их первая славная победа и многие горькие поражения. Марон, умерший в муках через неделю после того, как ему в живот вонзился римский гладий. Последовавшие за этим тщетные попытки одолеть римскую военную машину. Засады в холмах. Ночные нападения. Отравленная вода. Союзы с другими племенами, распавшиеся из-за предательства или жадности либо из-за обоих вместе.

– Мы, фракийцы, не меняемся, да? – спросил он у жеребца. – Не важно, что было бы лучше для Фракии. Мы бьемся против всех, даже против своих. Особенно против своих. Объединиться ради борьбы с общим врагом, тем же Римом? Да ни за что! – Он коротко, гневно рассмеялся. Первая часть задачи, порученной отцом, – служба в римском легионе – была выполнена. Он надеялся, что сможет пожить относительно нормальной жизнью, прежде чем приступить ко второй части – попытке объединить племена. Но оказалось, что этого не суждено. Темное облако войны с кровавым подбоем снова отыскивало его. И все же он не пытался игнорировать внезапное возбуждение, а, напротив, радовался ему. «Котис убил моего отца. Вероломный негодяй. Он должен умереть, и в самое ближайшее время».

Конь уже давно привык как к монологам, так и к молчанию и спокойно тащился за ним.

У больших ворот обнесенного стеной селения стояли двое часовых со щитами и дротиками. Пока путник поднимался по склону, они скептически разглядывали его и негромко переговаривались. Мало кто из путешественников являлся в селение в столь поздний час, тем более по такой плохой погоде. Еще меньше среди них было воинов в кольчуге или с луженым шлемом. А жеребец новоприбывшего, невзирая на хромоту, был очень хорош. А еще он был белым – такую масть любили цари.

– Стой!

Путник остановился, подняв левую руку в мирном приветствии. «Просто впустите меня без лишних вопросов».

– Неважный сегодня вечер, – спокойно сказал он. – Такой вечер приятно провести у очага с чашей вина – после того, как почтишь бога-всадника.

– Ты говоришь по-нашему? – удивленно спросил часовой постарше.

– Конечно! – рассмеялся путник. – Я такой же мёз, как и вы.

– Да ну? А я б тебя не отличил от собачьего дерьма! – огрызнулся второй часовой.

– И я тоже, – добавил его товарищ чуть более вежливым тоном.

– Возможно, но я родился и вырос в этом селении. – Он нахмурился при виде их сердитых взглядов. – Так-то вы меня встречаете после почти десяти лет отсутствия?

Путник уже готов был сказать, что его зовут Пейрос, но старший из стражников заговорил первым.

– Кто ты такой? – Он присмотрелся к рукам новоприбывшего, заметив брызги крови, а потом снова перевел взгляд на его лицо. – Погоди-ка! Да я же тебя знаю! Спартак?

«Вот дерьмо!»

– Верно, – коротко отозвался путник, поглаживая рукоять меча.

Мужчина постарше расплылся в изумленной улыбке:

– Ради всех богов, что ж ты сразу-то не сказал?! Я Ликург. Мы с Ситалком вместе сражались. – Он предостерегающе взглянул на приятеля.

– Я тебя помню, – сказал Спартак, приветливо кивнув.

А вот его взгляд, брошенный на второго часового, был куда менее дружелюбным. Пристыженный воин вдруг заинтересовался грязью у себя под ногами.

– За то время, пока тебя не было дома, многое изменилось, – печально сказал Ликург. – Твой отец...

– Знаю, – оборвал его Спартак. – Он мертв.

– Да.

Спартак не сдержался:

– Умер при подозрительных обстоятельствах, как я слышал.

Ликург посмотрел на своего товарища.

– Никто из нас не имеет к этому отношения. Тебе надо поговорить с Поллесом.

– С Поллесом?

– Это главный телохранитель царя, – с явственным отвращением произнес Ликург.

– А что с Гетасом, Севтом и Медоком? Они еще живы? – небрежно поинтересовался Спартак.

– О да. Они впали в немилость, но не лезли не в свои дела, поэтому Котис не стал их трогать. – Осознав, что их разговор принял опасное направление, Ликург облизал губы. – А ты?..

Спартак словно бы не услышал его.

– Я устал. Я несколько недель провел в пути. И хочу лишь одного – съесть чего-нибудь горячего и выпить со старыми друзьями. Царь подождет до завтра. А до тех пор не нужно ему знать, что я вернулся. – «А к тому времени, если будет на то воля богов, станет слишком поздно. Раз эти двое меня узнали, действовать надо немедленно. Гетас и остальные помогут». – Я же не очень многого прошу?

– К-конечно нет, – запинаясь, пробормотал Ликург и свирепо взглянул на напарника. – Мы никому ни слова.

– Ни единой живой душе, – предупредил Спартак.

Голос его внезапно сделался ледяным, и стражники испуганно кивнули.

И, прикрыв нижнюю часть лица полой плаща, Спартак прошел мимо них, не говоря более ни слова.

– Ты, придурок недоделанный! – зашипел Ликург, когда путник скрылся из вида. – Спартак – один из опаснейших воинов, каких знало наше племя! Радуйся, что он был в хорошем настроении. Тебе не захочется его злить, уверяю.

– Что он задумал?

– Не знаю! – огрызнулся Ликург. – И знать не желаю! Если кто-то будет потом спрашивать – мы его не узнали. Понял?

Глава II

Настроение у Ариадны было отвратительное. Обычный ритуал воскуривания благовоний и медитация не дали ей ничего, кроме изломанных, тревожных образов. В основном это был нагой Котис в постели. В других – еще и Поллес. Эти видения вызывали у нее особое отвращение. Более привлекательными – и опасными – были те, в которых она защищалась от царя при помощи ножа или своей змеи. «Какой смысл убивать его? – обреченно подумала девушка. – Мне придется бежать из селения, чтобы меня не прикончили его телохранители. И куда же мне идти? В Кабиле?» Ничего другого ей в голову не приходило, но эту идею она отвергла сразу. Жрецы Кабиле не станут укрывать цареубийцу. Она очутилась в ловушке, и не к кому было обратиться за помощью.

Погруженная в тяжкие думы, Ариадна заперла храм и направилась к своей хижине. Небо затянули тучи, грозящие снегом, и девушке хотелось очутиться в безопасности прежде, чем начнется снегопад. В селении было спокойно, но Котис с легкостью мог отправить кого-нибудь из своих воинов подкараулить ее. Торопливо шагая к переулку, ведущему к ее дому, Ариадна увидела мужчину, входящего через главные ворота. Она никогда прежде не встречала этого человека, но его уверенная, спокойная манера держаться привлекла ее внимание. Незнакомец был шатеном среднего роста, в кольчуге и узких красных штанах. Талию его обвивал римский солдатский ремень, и на этом ремне висели сика и кинжал. Бронзовый шлем в руках венчал изгибающийся вперед гребень, а идущий за женщиной белый жеребец явно был фракийским.

Путник негромко поздоровался с группой стоящих неподалеку воинов. Ариадна узнала троих из них – Гетаса, Севта и Медока. Услышав приветствие, Гетас повернул голову, нахмурился, а потом радостно кинулся к новоприбывшему; остальные последовали за ним.

«Так это тот путник, которого встретил Берисад, – подумала Ариадна. – Его, должно быть, любили, раз не позабыли за время отсутствия». Она пошла дальше. Добраться домой куда важнее, чем глазеть на незнакомцев. Быть может, Дионис навестит ее этой ночью. Даст ей надежду. Эта мысль утешила девушку. Мгновение спустя из переулка донесся характерный неприятный громкий смех. Ариадна узнала хохот Поллеса и отреагировала не задумываясь. Она отпрянула от входа в переулок. Осторожно заглянув за угол, девушка увидела неподалеку силуэты минимум трех мужчин. Их расслабленные позы совершенно не вязались с обнаженным оружием в руках. Чувствуя себя измотанной, Ариадна прижалась к холодной глиняной стене дома. Котис сдержал свое слово. Его телохранители поджидали ее, чтобы похитить. «Да будь он проклят!» Если пройти к хижине другим путем, она лишь оттянет неизбежное. Ариадна чувствовала себя такой же беспомощной, как тогда, когда ее домогался собственный отец. Она ощутила внутри кислый привкус тошноты и отвращение к себе, как будто они никогда и не уходили.

Казалось, ее нерешительность длилась целую вечность, но на самом деле это было лишь несколько ударов сердца. Не соображая, куда же ей идти, Ариадна побрела через центральную площадь. И увидела, что от храма идет вторая группа воинов. Девушка пригнула голову в жалкой попытке спрятаться и свернула. Путь оставался всего один. Через главные ворота. Не важно, что сейчас холодно, идет снег и за стенами селения опасно. Ей необходимо сбежать от Котиса – все равно как.

– Жрица! – окликнул сзади чей-то голос.

С губ Ариадны сорвался всхлип, и она прибавила шагу. Ей нужно лишь добраться до ворот. Стражники не посмеют ее остановить, а близящаяся метель поглотит ее так же надежно, как и царство Гадеса. Идея безумная, но сейчас Ариадне было на все плевать. Лучше умереть, чем снова испытать то, что она перенесла в детстве. Она оглянулась и обрадовалась, увидев,

что воины находятся слишком далеко, чтобы помешать ей сбежать. Здесь были и другие люди, и в их присутствии с ней ничего не сделают.

Поглощенная своими мыслями, Ариадна не смотрела, куда идет. И врзалась в кого-то. Лишь сильная рука человека, на которого она налетела, не дала ей упасть навзничь. Девушка подняла голову и увидела устремленные на нее веселые серые глаза. Это был тот самый мужчина, который недавно вошел в селение в компании хромого жеребца. Ариадна моргнула. Вот так вот, вблизи, он был довольно красив.

– Прошу прощения. Обычно я не имею привычки сбивать с ног привлекательных женщин.

– Н-нет, это я виновата, – запинаясь, пробормотала она.

Заметив татуировки и красный плащ – знаки ее статуса, – мужчина отпустил ее:

– Прошу прощения, жрица, я не хотел быть непочтительным. Почему ты так торопишься?

– Я... – Ариадна оглянулась; воины были всего в двадцати шагах от нее. – Мне нужно идти. Покинуть селение.

– Жрица, куда ты в такую погоду? – встревоженно спросил он. – Ты умрешь. Не метель, так волки до тебя доберутся.

– Возможно, – пробормотала Ариадна. – Но я все равно пойду. – Она попыталась пройти мимо незнакомца.

Он протянул руку, останавливая ее.

– Что ты сделала? – спросил он, указав кивком на приближающихся воинов.

– Сделала? Ничего! – Она горько рассмеялась и снова попыталась пройти, но сдвинуть его руку оказалось не легче, чем железный засов. У Ариадны не было сил – или воли, – чтобы прорваться через эту преграду.

– Что-то мне подсказывает, они идут не поболтать с тобой о погоде. Кто это?

– Люди Котиса, – безжизненным голосом ответила девушка.

– Котиса?

«Я годами не вспоминал про этого человека, а теперь все вокруг только о нем и твердят».

– Царя.

Незнакомец поджал губы:

– Царя... Ты перешла ему дорогу, правильно я понимаю?

– Отказаться спать с ним считается за переход дороги? – со злостью проговорила она. –

Если да, то перешла. А теперь мне пора.

Он опустил руку.

– Так они идут, чтобы отвести тебя к Котису, а ты этого не желаешь?

– Да. Я скорее умру, чем позволю этому гаду изнасиловать меня. – Ариадна посмотрела ему в глаза, и увиденное удивило ее.

В них читался гнев – и восхищение. И ненависть, но не к ней.

– Не двигайся.

Бросив повод коня, незнакомец шагнул вперед, заслоняя ее.

– Что ты делаешь? – пролепетала она.

– Мужчины могут так вести себя на войне, но не в мирное время и не в моем селении, будь я проклят! – прорычал он. – Я думал, что это все осталось позади!

«Я и подумать не мог, что вернусь домой лишь затем, чтобы узнать, что мой отец убит человеком, которого он когда-то называл другом».

Ариадна окаменев смотрела, как подходят ее преследователи – четверо хорошо вооруженных воинов с хищными лицами.

– Рад встрече, – сказал первый. – Мы перед тобой в долгу за то, что ты задержал эту женщину.

– Я ее не задерживал, – отрезал незнакомец. – Мы с ней столкнулись, и я не дал ей упасть.

– Не важно, как именно ты это сделал. – Ухмылка воина, открывающая гнилые зубы, выглядела скорее злобным оскалом. – Она бы сбежала, если бы не ты. Мы тебе признательны. А теперь отойди.

– Почему? Что она натворила?

– Не твое собачье дело! – рявкнул воин.

– Она жрица, а не обычная преступница. И не тот человек, с которым можно грубо обращаться, если вы только не стремитесь навлечь на себя гнев бога. Согласны? – Он говорил негромко, но угрожающе.

Воин от удивления моргнул:

– Послушай, приятель, мы просто выполняем приказы. Царь желает видеть ее. Будь так добр, отвали, а?

Неожиданный защитник оглянулся на Ариадну:

– Ты хочешь идти с этими людьми?

– Ты не обязан это делать, – прошептала девушка, не веря своим глазам и ушам.

Но он не принял такого ответа.

– Да или нет?

Ариадна посмотрела на четырех телохранителей и содрогнулась.

– Ну?

– Нет, – услышала она собственный голос. И сразу же ее захлестнуло ощущение вины.

Зачем только она втянула его в эту историю!

Он небрежно пожал плечами:

– Вы слышали. Она не пойдет.

– Как твое имя, глупец? – прошипел предводитель воинов, поднимая копье. – Я обычно узнаю имя человека, прежде чем убить его.

Незнакомец пропустил этот вопрос мимо ушей. Он извлек меч из ножен, и острие меча уставилось предводителю в лицо.

– Ты готов умереть? Потому что ровно это сейчас и случится.

Даже в сумерках видно было, что воин побледнел. Он посмотрел на товарищей. Те тоже явно не пришли в восторг от такой перспективы.

– Ну так как, покончим с этим? – рыкнул незнакомец, делая шаг вперед.

Ариадна обомлела. Уверенность телохранителя сдулась, словно проткнутый ножом мочевого пузыря.

– Мы с тобой не ссорились, – пробормотал он.

– Как и я с вами, но я не стану смотреть, как вы хватаете жрицу, если не получу должных объяснений! – рявкнул незнакомец, продолжая наступать. – Насколько я понимаю, к жрецам следует относиться с благоговением. А не обращаться с ними как с беглыми рабами.

Подняв копье так, что наконечник смотрел теперь вверх, воин попятился. Его товарищи тоже.

– Это не сойдет тебе с рук, – пробормотал первый.

– Я был бы разочарован, если бы сошло.

Воины исчезли в сумерках. Незнакомец смотрел им вслед.

– Лучше бы ты этого не делал. Ты подписал себе смертный приговор, – холодно молвила Ариадна вопреки изумлению, которое она испытала при виде отступивших воинов.

– Простого «спасибо» будет достаточно, – мягко сказал он.

– Я не хочу, чтобы на моей совести была еще одна смерть! – воскликнула она, покраснев.

– Мне решать свою судьбу, не тебе! – рявкнул он. – Что за человек я бы был, если бы позволил группе головорезов уволочь жрицу?

«Но все-таки это был опрометчивый шаг. Хвала Всаднику, что никто из них меня не узнал».

– Мудрец! – огрызнулась девушка.

– Смотрю, у тебя крутой нрав? Ну раз ты в моей помощи не нуждаешься, не буду мешать. Ворота все еще открыты. – Он подобрал кожаный повод и прищелкнул языком, подавая сигнал коню. – Идем. Отыщем тебе конюшню и какой-нибудь еды. И компанию получше, если повезет.

– Подожди! – Ариадна ненавидела свой страх, снова вспыхнувший, едва незнакомец собрался уходить.

Он приподнял бровь, став еще привлекательнее.

– Это было благородно с твоей стороны – вмешаться. Спасибо.

– Пожалуйста. Еще что-нибудь? – Он снова предпринял попытку уйти.

– Знаешь, люди царя на этом не остановятся. Они творят что хотят.

– И почему я не удивлен? Но сперва им придется меня найти. Это селение достаточно велико, чтоб в нем долго можно было искать одного-единственного человека. – Он кивнул, прощаясь.

– Подожди минутку, – попросила Ариадна. Ей страшно было шагнуть в ночь, равно как и сидеть одной и ждать воинов Котиса.

– Я и не собирался уходить, пока ты не начала грубить.

– Извини. – Голос ее дрогнул. – Я просто не хотела, чтобы ты пострадал.

– Мне приятно, что ты обо мне беспокоишься, – сказал он уже мягче, – но давай из-за подобных вещей я буду волноваться сам.

– Хорошо. – Невзирая на смущение, Ариадна добавила: – Пожалуйста, проводи меня до дому. Там есть и небольшой сарай, можно поставить твоего коня туда.

– Это далеко? – Он указал на жеребца. – Как ты, возможно, заметила, он хромает.

– Шагов двести, не больше. Иди за мной.

И с колотящимся сердцем Ариадна пошла вперед. Уже окончательно стемнело, и переулки опустели. Лишь время от времени какая-нибудь псина проскальзывала мимо, стараясь держаться от них подальше. Ариадна заметила, что ее спутник проверяет каждую тень, и облегченно перевела дыхание, когда он наконец немного расслабился.

А еще она обрадовалась, убедившись, что рядом с ее домом никто не прячется. Поллес со своими людьми, возможно, так и торчит в том переулке, или, что вероятнее, они все вернулись с обделавшимися товарищами к царю. Ариадна принесла ведро воды из ближайшего колодца и оставила нового знакомого устраивать коня в сарайчике. Сама же поспешила внутрь и зажгла масляную лампу. Ее руки дрожали. Пытаясь восстановить самообладание, девушка села на трехногий табурет. Можно ли сказать, что ее положение улучшилось? На самом деле она только что поменяла одну опасность на другую. Каким бы грозным воином ни был ее заступник, он не может сражаться со всеми людьми Котиса. Но, несмотря на отчаянное положение, в сердце Ариадны вспыхнула искра радости. Он не обязан был вмешиваться. Большинство здравомыслящих людей развернулись бы в другую сторону, едва завидев царских телохранителей. А он вместо этого спас ее, рискуя собственной жизнью. Как ни странно, Ариадна почувствовала проблеск надежды. Этот воин не мог не понимать, в каком они положении, но оставался спокоен, даже невозмутим. А значит, у него был план.

Он вошел и запер дверь на засов. Девушка улыбнулась:

– Как там твой конь, накормлен и напоен?

– Вполне, – ответил он с довольным видом.

– Ты так заботишься о нем...

– Забчусь. Он носил меня или был рядом больше пяти лет непрерывной войны.

– Пять лет войны – это много.

– Поэтому я и вернулся домой. Чтобы повесить меч на стену и немного пожить спокойно.

А вместо этого поступаю ровно наоборот. – Он криво усмехнулся. – Признаюсь, я не удивлен. Всадник частенько делает так со мной, а ему лучше знать.

– И все же я сожалею, – сказала Ариадна, чувствуя себя еще хуже.
– Мы уже это обсудили. Вмешаться – мое решение. «Так же, как и войти в селение, несмотря на то что меня узнали».

– Это так, – признала она. Потом добавила: – Я даже не знаю, как тебя зовут.

– А я – как тебя, – с улыбкой ответил он.

– Ариадна. – Она покраснела.

– Для меня честь познакомиться с тобой. Я Спартак.

Девушка нахмурилась. Она откуда-то знала это имя, но не могла вспомнить, откуда именно.

– И сколько же ты отсутствовал?

– Около восьми лет. Ты здесь не настолько долго.

– Да. Всего шесть месяцев.

– Когда Котис принялся докучать тебе?

– Практически с самого моего приезда. До сих пор мне удавалось отбиваться, но сегодня он почему-то решил, что с него довольно. Он якобы приглашал меня на ужин, но это была лишь видимость. Чтобы он...

– Могу себе представить, – перебил ее Спартак. – Я знал, что этот сукин сын – убийца, но что он еще и насильник? Мир определенно станет лучше без него. – «И если Всадник пожелает, конец его вонючей жизни положит мой клинок».

– Так, значит, слухи правдивы?

– О да, – с горечью ответил он. – Когда Рес, предыдущий царь, умер, Котис убил его сына и наследника. Ситалк, мой отец, должно быть, попытался вмешаться, потому что его тоже убили.

– Твоего отца убили? – в ужасе спросила Ариадна. – А откуда ты узнал?

– Встретил в полумиле от ворот мальчишку, который гнал стадо. Разговорить его было нетрудно. Я сомневался, верить ли его рассказу, но один из стражников оказался давним товарищем отца. Он все подтвердил. Как и друзья, с которыми я успел наскоро переговорить.

– Мне очень жаль. – Она хотела коснуться его руки, но внезапно смутилась.

Спартак нахмурился еще сильнее:

– Ничего, вскорости Котис и Поллес, кем бы он ни был, пожалеют об этом.

У Ариадны перехватило дыхание.

– Что ты собираешься делать?

– Мне сказали, что Котиса терпеть не могут. Большинство воинов ненавидят его лютой ненавистью, и преданы ему лишь его телохранители. Сколько их там, около сотни?

Все еще не веря собственным ушам, Ариадна кивнула.

– Если я сумею убедить шестьдесят-семьдесят человек последовать за мной, мы их одолеем.

Его серые глаза лучились уверенностью, и сердце Ариадны исполнилось надежды.

«Благодарю тебя, Дионис!»

– Именно об этом я молилась.

Спартак приподнял брови:

– Ты тоже замышляла свергнуть царя?

– И что с того? – парировала она. – Он всего лишь тиран!

– Я смотрю, ты отважна. – Спартак взглянул на нее с одобрением, и сердце девушки затрепетало. – Так ты сможешь?

– Всем, чем только смогу. Я посоветуюсь с богом, но не сомневаюсь, что он хотел бы, чтобы Котиса лишили власти.

– Хорошо. С твоего позволения, именно это я и скажу воинам.

Ариадна встревоженно уставилась на него:

– Ты уходишь?

– Пока что нет. Побуду тут примерно до полуночи. Если Поллес со своими людьми до этого времени не появятся, значит они придут не раньше утра. А я пока отдохну. У меня был долгий день.

Ариадна перехватила его взгляд, брошенный на шкаф, в котором она держала продукты.

– Прости. Ты, должно быть, проголодался в пути.

– Я не прочь поесть.

– Сейчас я что-нибудь принесу. – Чувствуя на себе его взгляд, Ариадна нарезала хлеба и козьего сыра и положила их на тарелку, потом добавила немного холодной ячменной каши из закопченного железного котелка. – Больше у меня ничего нет, разве что еще вода.

– Этого вполне довольно. – Спартак нетерпеливо протянул руку.

Пока он истреблял еду, Ариадна прокралась к двери, прижала ухо к толстым доскам и стала прислушиваться. Ничего, кроме обычного дружного собачьего лая. Уже хорошо. Не зная, что бы еще сделать, она достала запасное одеяло и отдала Спартаку. И заметила, как он взглянул на ее кровать.

– Даже и не думай. Полежишь на полу.

– Конечно. – Он явно удивился. – Я другого и не ожидал.

Смущенная его уверенностью – или это была самоуверенность? – девушка улеглась на кровать не раздеваясь и натянула на себя одеяло.

– Приятного сна.

Спартак обошел комнату и задул все лампы, кроме одной. Бросив плащ у двери, он достал меч из ножен и положил рядом. А потом сел, опершись спиной на стену, плотно завернулся в плащ и закрыл глаза.

Почти сразу же Ариадна поймала себя на том, что смотрит на Спартака. Его красивое лицо наполовину освещал трепещущий огонек лампы, наполовину же оно находилось в тени, и это придавало ему таинственный вид. Волосы были коротко подстрижены, на римский манер. С прямого носа на левую щеку спускался едва заметный шрам. Квадратный решительный подбородок порос густой щетиной. Привлекательное, но и жесткое лицо. Впрочем, Ариадна не сумела отыскать в нем сходства с типами вроде Поллеса или Котиса.

«Может ли так быть, что его послал Дионис?» – подумала она. Это была очень соблазнительная мысль. Не появившись этот воин, она сейчас замерзала бы в метели или упала в одну из пропастей, тянувшихся вдоль дороги, и разбилась. Девушка вознесла своему богу благодарственную молитву, а потом постаралась успокоиться. Нужно было отдохнуть, сколько получится. Завтра будет новый день.

В десяти шагах от нее Спартак безмолвно общался со своим любимым божеством, фракийским богом-всадником, тем, кого не называли по имени: «Я прошу защиты твоего щита и меча для нас обоих. Пусть воины прислушаются ко мне, когда я приду к ним». Его мольба шла от всего сердца. Много лет жизнь Спартака состояла лишь из сражений, убийств и изучения римской тактики. За последние два часа все изменилось самым неожиданным образом. Его надежды на теплый прием рассыпались прахом. Теперь он стремился отомстить за убийство отца. Ему, возможно, предстоит стать цареубийцей.

Спартак глубоко вздохнул. Таковы уж пути богов. С годами он научился выдерживать удары, которые обрушивала на него жизнь, но этот оказался сокрушительнее большинства прочих. «Я, как и всегда, склоняюсь перед твоей волей, Великий Всадник». Он украдкой взглянул на Ариадну, и его ожесточенное лицо смягчилось. Не все, что произошло с момента его возвращения, стоило сожаления.

Ариадна очнулась ото сна, в котором Спартак заключил ее в объятия. Потрясенная, она села, прижимая одеяло к груди. Спартак уже стоял у двери, пряча меч в ножны.

– Хорошо ли спалось?

– Д-да, наверное, – пролепетала она, ненавидя свои покрасневшие щеки и лихорадочно стучащее сердце.

– Ты красивая.

Ариадна потрясенно уставилась на него:

– Что ты сказал?

– Что слышала. Самая красивая женщина, какую я только видел.

– А ты, значит, привык их сравнивать? – поинтересовалась она, пряча под сарказмом свое смущение.

– Конечно, – с ухмылкой отозвался он. – Как и всякий мужчина.

Обезоруженная его честностью и польщенная, Ариадна кивнула на дверь:

– Слышал ли ты что-нибудь?

– Нет, ничего. Мне пора идти.

Реальность вновь обрушилась на нее, и в животе что-то болезненно сжалось.

– Ясно. Как я узнаю, что произошло?

– Ты услышишь шум боя. А вскоре после этого станет ясно, кто победил.

Ужас сдавил Ариадне горло. Ей хотелось попросить Спартак не уходить, но она знала, что это было бы бесполезно. Он был преисполнен мрачной решимости. Девушка позволила себе зачерпнуть сил из этой решимости.

– Да сохранят тебя боги.

– Всадник был добр ко мне все эти годы. Я верю, что так будет и дальше. – Взгляд серых глаз остановился на девушке, и Спартак улыбнулся. – А потом я был бы рад узнать тебя получше.

На миг Ариадна лишилась дара речи.

– Я т-тоже, – пролепетала она.

– Если удача мне изменит...

– Не говори так, – прошептала девушка. Ей снова представился Котис.

– Случиться может всякое, – предупредил он. – Если до этого дойдет, бери моего коня и уезжай. Хоть он и хромает, ты достаточно легкая, чтобы он смог тебя унести. А при том, что будет твориться, никто минимум день и не заметит твоего отсутствия. Ты сможешь добраться до соседнего селения.

И что в том толку? Ариадне хотелось закричать. Но она лишь кивнула в молчаливом согласии.

Спартак отодвинул засов:

– Запри за мной дверь.

– Хорошо.

– Отдохни еще, если сумеешь.

Ариадна сжала зубы:

– Это вряд ли.

Он уже почти шагнул за дверь, но остановился на пороге и обернулся:

– А что будешь делать?

– Молиться Дионису, чтобы он ниспослал тебе удачу. А Котису – смерть!

Глаза Спартак сверкнули.

– Спасибо.

И он, не сказав более ни слова, исчез.

«Боги, какая же она пылкая. И красивая». Выбросив мысли об Ариадне из головы, Спартак подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Напрягая все чувства, он оглядел переулок и через несколько мгновений расслабился. Ни звука, ни шороха. Даже собаки уснули. Сжимая рукоять меча, он крадучись двинулся через тьму. Восемь лет отсутствия не помешали ему без-

ошибочно отыскать дом Гетаса. Он вырос здесь и знал каждый переулок и каждую тропинку как свои пять пальцев. Желтый свет лампы, проникающий через щели в стене, помог ему пробраться за забор, и он тихонько постучал в дверь:

– Гетас!

Негромкий разговор тут же оборвался. Он услышал приближающиеся шаги.

– Кто там?

– Спартак.

Раздался скрежет отодвигаемого засова, потом дверь приоткрылась, и из нее выглянул худой мужчина с копной спутанных рыжих волос. Он заулыбался:

– Заходи-заходи!

Спартак пригнулся и переступил порог. Внутри прямоугольная хижина не отличалась от прочих жилищ селения. В очаге у дальней стены горел огонь. С потолочных балок свисали пучки травы. Инструменты были сложены в одном углу, миски, горшки и сковородки – в другом. У входа красовалась стойка с оружием, дротиками, копьями и мечами. Слева от очага под одеялом свернулись клубочком, будто щенята, двое маленьких детей. Рядом с ними лежала темноволосая женщина; она пристально следила за каждым движением Спартака. Гетас подтолкнул его к скамье у очага, где уже сидели трое воинов в подпоясанных туниках с длинными рукавами. Завидев его, они заулыбались и встали.

– Спартак! Как же долго тебя не было! – воскликнул высокий мужчина с выбритыми надолбом волосами. – Хвала богам, ты вернулся!

– Севт! – Они обнялись, а потом Спартак так же поприветствовал и двоих других. – Медок. Олинф. Мне вас не хватало.

– А нам тебя, – отозвался Медок, воин с бочкообразной грудью и жесткой как проволока бородой; Олинф, самый старший из всех, что-то одобрительно пробормотал.

– Садись. – Гетас взмахнул глиняным кувшином. – Давайте выпьем. – Убедившись, что у всех есть чаши, он разлил вино. А потом, вскинув правую руку, произнес: – За Всадника, вернувшего Спартака домой живым и здоровым.

– За Всадника! – Все сделали по большому глотку.

– За конец тирании Котиса! – подхватил Севт. – Пусть он поскорее сгниет в Гадисе!

– И Поллес тоже, – добавил Гетас.

– И прочие мерзавцы, следующие за ними, – прорычал Медок.

Они допили вино, и Гетас разлил его снова.

– Давайте начистоту, – сказал Спартак. – То, о чем мы тут говорим, опасно для жизни. – Он бросил взгляд на женщину и детей. – Это ясно?

– Мы осознаём опасность, – отрезал Гетас. – И все равно хотим участвовать.

– Хорошо. Мне нужно поговорить с каждым воином, которого вы трое сочтете заслуживающим доверия. Как вы думаете, сколько их? – Он пристально вглядывался в лица друзей. Все зависело от предварительного подсчета, который он попросил их провести. «Великий Всадник, пусть их будет достаточно, иначе мы все покойники!»

– Мне ответили согласием девятнадцать человек, – доложил Гетас.

– Шестнадцать, – добавил Севт.

– Двенадцать. – На лице Медока отразилось раздражение. – Один из них задержал меня на час, а то и больше. Он настаивал, что мы должны выпить в твою честь.

Спартак улыбнулся:

– Хороший результат.

Он взглянул на Олинфа, который всегда был несколько замкнутым – возможно, из-за полученной на охоте раны. После нее он остался хромым на правую ногу. Сверстники Олинфа часто насмехались над ним, но Спартак всегда относился к нему с радушием и вовлекал его в свои детские похождения. И все же Олинфа он знал чуть хуже, чем остальных.

– Двадцать.

Обрадованный Спартак легонько ткнул его кулаком в плечо:

– Шестьдесят семь воинов. С нами – семьдесят два. По-моему, неплохо. – Он сжал кулаки. – А что насчет вас самих?

– Как думаешь, когда лучше это сделать? – поинтересовался вместо ответа Гетас.

Спартак ухмыльнулся:

– Ты все тот же торопыга! – Он взглянул на остальных.

– Я с тобой, – сказал Севт.

– И я, – буркнул Медок.

– Я – за. – Олинф ответил на мгновение позже прочих, но адреналин бился в жилах Спартака с такой силой, что воин почти не обратил на это внимания.

– Отлично. Вы собрали людей, чтобы я мог с ними поговорить?

– Да, в трех домах, – отозвался Севт. – Мы проведем тебя к ним, поочередно.

Гетас напоминал сейчас пса с костью.

– Так когда нападём?

– Нужно это сделать завтра.

Медок удивленно приподнял брови:

– Так скоро?

– Да. Вы же знаете, как все любят сплетничать, а уж тем более на такую тему. Надо ковать железо, пока горячо. – Он не обратил внимания на восторг в глазах товарищей. – Мы справимся.

– Боги, как же хорошо, что ты вернулся! Ситалк гордился бы тобой. – Гетас расплылся в радостной улыбке. – Скорее бы уж рассвело!

Его рвение рассмешило всех, и напряжение спало. Спартак дал им мгновение насладиться этим чувством, потом сказал:

– Давайте пошевеливаться. Люди хотят услышать, зачем я их позвал.

– Верно, – опомнился Гетас. – Да поможет нам Всадник!

Следующие четыре часа Спартак с друзьями без усталости ходили из дома в дом. Его повсюду встречали радушно, и это воодушевило воина. Оказалось, что жители селения очень недовольны правлением Котиса, и слова Спартака упали на благодатную почву. Все тепло вспоминали его отца и брата и оплакивали их смерть. Особенно скорбели по Ситалку, отравленному на пиру у Котиса. Даже просили прощения за то, что не отомстили за его гибель, и с готовностью клялись Спартаку в вечной преданности. Каждый обещал отправить царя, Поллеса и прочих его приспешников в небытие множеством неприятных способов. Было похоже, что всем до единого понравился план Спартака напасть на царскую резиденцию на рассвете, когда большинство телохранителей будут спать.

– Чем проще план, тем лучше, – заверил он всех. – Негде ошибиться.

Покончив с этим, Спартак подумал, не вернуться ли ему в дом Ариадны и поспать там. Мысль была привлекательная, но все же он от нее отказался. Не стоило подвергать девушку опасности сверх той, что он уже навлек. Рассказав всему селению о своем замысле, он стал уязвим для предательства. Но иначе нельзя. Если он ничего не предпримет, назавтра Котис узнает о его возвращении. Царь непременно начнет действовать. Спартак изгнал сомнения. «Все будет хорошо. Обязано быть хорошо. К завтрашнему закату я буду новым правителем мёзов». Верилось в это слабо. Хоть Спартак и подумывал об этом во времена службы, но никогда не верил в такой исход. Рес, предыдущий царь, и Андриск, его сын, были мужественными воинами и пользовались народной любовью. Спартак нахмурился: «Теперь они мертвы, как и отец. Котис заплатит за это собственной жизнью. А если в результате я взойду на трон, значит так тому и быть. Из меня будет куда лучший вождь, чем Рес, занимающий трон сейчас. И так

я быстрее смогу повести наш народ против Рима». К тому же в голове крутилась еще одна приятная мысль: «А как насчет Ариадны?» И он широко улыбнулся: «Увидим».

Заговорщики тихо пошли обратно к дому Гетаса, по пути Спартак поочередно попрощался с остальными. Когда они очутились в безопасности, за закрытой дверью, друг вручил ему запасное одеяло. Спартак кивком поблагодарил его. Он улегся, не раздеваясь и положив меч так, чтобы тот был под рукой.

Гетас тихонько пробрался под одеяло к жене, которую сморил милосердный сон.

Спартак закрыл глаза. За этот день произошло слишком много всего, и он думал, что так и пролежит без сна до назначенного часа, когда прокукарекает петух Гетаса. Судя по всему, тот был раздражающе надежным и каждый день начинал свою утреннюю песнь за час до рассвета. Однако же Спартак устал куда сильнее, чем думал. Лежа на спине, он погрузился в сон без сновидений.

Он проснулся от треска дерева. Долгие годы боевого опыта заставили его вскочить и схватиться за меч. Но он слишком мало спал, да еще и споткнулся, вставая, и потому не успел до конца вытащить клинок из ножен. В выломанную дверь ворвалось с полдюжины мужчин, вооруженных дубинками. Они окружили Спартака с Гетасом – тот успел схватить вертел из очага, – как волки, загоняющие оленя.

– Что, черт побери, происходит? – воскликнул Гетас. – Чего вам надо?

Но Спартак уже понял, что происходит. «Кто-то предал нас». Один из незваных гостей ударил его по голове дубинкой. Боль накатил волной, и перед глазами звездами заплясали светящиеся точки. Он рухнул на пол, словно мешок с камнями. Сквозь обрушившийся на него град ударов он слышал, как где-то на заднем плане кричат жена и дети Гетаса. Где-то на краю сознания вспыхнула ярость, но сейчас Спартак мог лишь свернуться клубочком в тщетной попытке избежать новых побоев.

– Хватит! – крикнул наконец кто-то. – Вы его убьете!

Воины неохотно отошли.

Спартаку понадобились все его силы до капли, чтобы начать двигаться, но все же он сумел разогнуться и поднять голову.

– Гетас? – прохрипел он.

– Живой я.

Спартак взглянул на красивого воина, который, похоже, был тут за главного.

– Шавка подзаборная! Ты, должно быть, Поллес.

Тот ответил насмешливым поклоном:

– К твоим услугам.

– Если ты хоть пальцем тронешь женщину и детей, я...

– И что же ты сделаешь? – с жестоким смехом перебил его Поллес; его люди ухмылялись.

– Отрежу тебе яйца и заставлю сожрать! – прорычал Спартак. – А потом прикончу!

– Интересно было бы взглянуть на твои попытки. – Поллес пнул Спартака в живот, и того вырвало. – На твое счастье, царь не желает, чтобы вам причинили вред. Во всяком случае, пока. – Он злорадно усмехнулся.

Спартак попытался схватить Поллеса за щиколотку, но глава телохранителей просто шагнул назад.

– Все думали, что ты мертв.

– Как видишь, нет.

– Скоро будешь. Заговор с целью убийства царя, серьезно?

– Уж ты об убийствах знаешь все, – отозвался Спартак. – Сукин сын.

Поллес хохотнул:

– Что, услышал про своего отца?

Вместо ответа Спартак бросил на него полный ненависти взгляд:

– Кто эта крыса? Кто рассказал тебе?

Поллес посмотрел на своих людей:

– Ну что, сказать ему или пусть пока помучается?

– Пусть помучается, потом сам увидит, – жестоко предложил один из воинов. – Хочу посмотреть на его лицо, когда до него дойдет.

– Хорошая идея, – промурлыкал Поллес.

– Да пошли вы... – прошептал Спартак. Теперь он вспомнил, как Олинф помедлил, прежде чем ответить. Олинф. Наверняка это он предатель.

– Что вы собираетесь с ними делать? – дрожащим голосом спросила жена Гетаса.

– А ты как думаешь? – ухмыльнулся Поллес. – Этих двоих и еще одного изменника будут пытаться на глазах у всего племени. Когда Котис решит, что все заговорщики выявлены, он пере режет им глотки. Остальных просто казнят.

Женщина кинулась на него с криком ярости, но охранявший ее воин поставил ей подножку. Жена Гетаса споткнулась и упала на полу рядом со Спартаком. Она не попыталась встать, даже когда дети заплакали. Ее тело сотрясали беззвучные рыдания.

Спартака захлестнула бессильная ярость.

– А Ариадна?

– А, выходит, это ты заступился за нее у ворот. Так я и думал! – ощерился Поллес. – Когда труды сегодняшнего дня завершатся, Котис устроит праздничный пир. А потом возьмет ее на ложе. Она будет его новой женой.

Лицо Спартака исказилось от ярости, и он попытался встать. Но удар дубинки швырнул его обратно на пол. Он почти не осознавал, что его подняли и вынесли наружу. У хижины собралась толпа. На лицах жителей был написан гнев, но никто не осмелился вмешаться. «Теперь они пойдут за Севтом и Медоком», – с горечью подумал Спартак.

И провалился во тьму.

Проснувшись, Ариадна посмотрела на то место, где сидел Спартак. И почувствовала разочарование оттого, что его здесь нет, – и вину за это чувство. Мгновение спустя, когда она увидела дневной свет, струящийся через щели в крыше, ее пронзило осознание. День был почти что в разгаре. Она проспала. Выругавшись, девушка вскочила и метнулась к двери. Почему шум боя не разбудил ее? Она всегда спала чутко. «Возможно, никакого боя не было. Вдруг их выдали?» От этой мысли Ариадну замутило. «Пожалуйста, только не это!»

Набросив плащ и прихватив корзинку со змеей, она открыла дверь и вышла. Вопреки обыкновению, переулочек был безлюден, но Ариадна слышала нарастающий гул толпы со стороны главной площади.

Она медленно двинулась на звук; по спине ее тек холодный пот. Ноги казались тяжелыми как свинец. Что-то пошло не так. Спартак потерпел неудачу. Она чужая это нутром.

Собрав всю свою храбрость, Ариадна вышла из переулочка. Кажется, на площадь явились все до единого жители селения. Вид у них был недовольный. Судя по гневному бормотанию зрителей, им не нравилось то, что происходило в центре площади. Ариадна услышала, что некоторые выкрикивают имя Спартака, и ей стало еще страшнее. Другие имена тоже звучали, но их она не могла разобрать. Девушка принялась проталкиваться через толпу. Вскоре, увидев, кто это хочет пройти, люди начали расступаться перед ней, и она добралась до первых рядов. От открывшегося ей зрелища у нее едва не подогнулись колени. Все царские телохранители выстроились неровным квадратом вокруг трех деревянных рам, и на каждой из них лицом вниз был привязан человек. За ними высился Поллес с плетью в руках. Рядом с ним замер Котис, и на губах его играла холодная улыбка. За этими двумя стояли в грязи на коленях, с веревками на шее около шести десятков воинов, окровавленные и избитые, и Ариадна все поняла.

– Кто это? – шепотом спросила Ариадна у стоящей рядом женщины.

– Спартак, сын Ситалка. Гетас и Севт, его друзья. И люди, которые поклялись им в верности.

Где же остальные? Ариадне хотелось закричать. Где Олинф и Медок? Но она не успела ужаснуться предположению, что Спартака предали два его «друга», потому что Котис с ухмылкой шагнул вперед:

– Жрица! Ты почтила нас своим присутствием. Я рад, что ты станешь свидетельницей наказания.

Ариадна отвернулась с отвращением. Это был единственный доступный ей способ выразить протест. «Дионис, прошу, помоги нам! – взмолилась она. – Я сделаю все. Все, что угодно».

Котис кивнул Поллесу.

– Перед вами три изменника, планировавшие свергнуть царя. Еще один был убит при аресте.

Спартак лишь сейчас очнулся. «Медок, я чту твою смерть, – подумал он. – По крайней мере, ты умер хорошо».

– Всего эти куски дерьма убедили более шестидесяти воинов... – Поллес презрительным жестом указал на связанных людей у себя за спиной, – присоединиться к их безнадежному делу. Хвала Всаднику, Котиса предупредили об опасности. Он теперь в долгу перед верным воином, которому безоговорочно доверял этот глупец Спартак.

Телохранители заготовали.

Охваченный злостью Спартак приподнял голову. Он заметил, что Гетас с Севтом сделали то же самое.

– Медок, подойди сюда, – с явным злорадством приказал Поллес.

Спартак не поверил своим глазам: под улюлюканье толпы вперед вышел его старый друг. «Так, значит, Олинф мертв. Прости меня, брат, что я усомнился в тебе».

– Как ты мог?! – взревел Гетас. – Говнюк позорный!

– Будь ты проклят! – выкрикнул Севт.

Спартак лишь смотрел на Медока со жгучей ненавистью.

Медок вздрогнул, подошел и встал рядом с Котисом. Тот похлопал его по плечу:

– Я не забуду твоей верности.

Ариадна принялась безмолвно осыпать Медока проклятиями. Пускай он ослепнет. Пускай его плоть отвалится от костей и молния поразит его. Пускай он упадет с коня и разобьется насмерть. Она знала, что, если хочет бежать, сейчас для этого самый подходящий момент, но не могла заставить себя уйти. Спартак и его товарищи заслуживали хотя бы того, чтобы кто-то стал свидетелем их ужасной судьбы.

– Поллес, продолжай, – велел царь.

– Сперва изменников выпорют. По сорок плетей каждому. – Поллес со злобной усмешкой указал на инструменты, лежащие на столе перед ним. – Потом начнутся настоящие пытки. А в конце я пережду им глотки и займусь остальными гадами.

Он взглянул на Котиса.

– На ваше счастье, козлиного дерьма куски, – прогремел царь, – племя не может себе позволить потерять столько воинов! И потому я решил, что умрет каждый шестой. Десять человек, выбранных по жребию. Остальные поклянутся мне в вечной верности, а чтоб доказать ее, дадут мне заложников.

Толпа недовольно всколыхнулась. Люди двинулись на телохранителей, но те, орудуя тупым концом дротиков, восстановили порядок. Ярости Ариадны не было предела. Она едва сдерживалась, чтобы не кинуться на царя и не попытаться убить его. «Дионис, молю, помоги мне!»

– Начни со Спартака, – приказал Котис.

Ариадна закрыла глаза, но заткнуть уши не могла, чтобы отгородиться от творящегося ужаса. Послышался не то шорох, не то свист – это плеть рассекла воздух. А потом она с резким отрывистым звуком коснулась тела Спартака. Последним – и худшим из всего – стал его сдавленный стон. Пару мгновений спустя Поллес нанес еще один удар. И еще. И еще. Это было невыносимо. Ариадна прикусила губу изнутри, удерживая крик. Вскоре рот ее наполнил металлический привкус крови, но, вместо того чтобы разжать зубы, девушка стиснула их еще сильнее. Почему-то от раздражающей голову боли ей стало легче.

К тому моменту, как Спартак насчитал двадцать ударов, он ощутил, как силы покидают его. В этом не было ничего удивительного. Во время службы в легионе он не раз видел, как солдат пороли. После сорока плетей он впадает в полубессознательное состояние, а спина его будет изорвана в клочья. Если Поллес прикажет продолжать, после шестидесяти ударов он, Спартак, перестанет что-либо осознавать. С этого момента он с легкостью может умереть от ран. Эта мысль вызвала у него мимолетную кривую усмешку. Хотелось бы, чтобы он умер под плетью. Порка закончится на пятидесяти ударах. Лишь после этого начнется настоящая боль. Он видел стол с инструментами палача: клещи, прутья, зазубренные лезвия. Рядом же установили жаровню с раскаленными углями.

Все происходящее казалось нереальным. Это будто помрачение рассудка. «Избит и замучен до смерти в собственном селении. Какая ирония».

Спартак не услышал крика часового от ворот. Хотелось бы, чтобы он умер под плетью. Порка закончится на пятидесяти ударах. Лишь после этого начнется настоящая боль. Он видел стол с инструментами палача: клещи, прутья, зазубренные лезвия. Рядом же установили жаровню с раскаленными углями.

В селение вошла колонна людей. Зрители повернули голову в ее сторону и принялись недоуменно переговариваться. Кое-кто даже отправился поговорить с новоприбывшими. Ариадна вытянула шею, но не смогла ничего рассмотреть за толпой. Через некоторое время даже царь сообразил, что что-то происходит, и приказал Поллесу остановиться.

Командир телохранителей неохотно подчинился.

Судорожно дыша, Спартак прижался к деревянной раме. Он понятия не имел, почему Поллес прекратил. Однако передышка оказалась очень кстати. У него появился шанс хотя бы немного восстановить силы. Так можно вытерпеть больше боли, когда та возобновится. Спартак поймал устремленный на него взгляд Ариадны. На лице девушки была написана такая мука, что он ощутил угрызения совести. Попытался даже успокаивающе улыбнуться, но получилась лишь гримаса. «Великий Всадник, защити хотя бы ее!»

– Пусть подойдут! – крикнул Хотелось бы, чтобы он умер под плетью. Порка закончится на пятидесяти ударах. Лишь после этого начнется настоящая боль. Он видел стол с инструментами палача: клещи, прутья, зазубренные лезвия. Рядом же установили жаровню с раскаленными углями.

Возникла небольшая задержка, пока его телохранители расчищали путь через толпу. Заинтересовавшись, Спартак прищурился в попытке разглядеть, кто – или что остановило его мучения.

Первым в поле зрения попал бритоголовый, глыбообразный мужчина в потрепанном зеленом плаще. На поясе у него висел гладиус в ножнах, и неизвестный, очевидно, умел с ним обращаться. Походил этот человек на римского солдата. За ним следовали восемь спутников с оружием, с суровыми лицами, шрамами на руках и ногах – наверняка легионеры-ветераны. А вот ковылявшие следом люди в лохмотьях, скованные друг с другом за шею, были иного сорта. Даже ребенок понял бы, что это рабы. Они принадлежали к разным народам: некоторые явно фракийцы, иные же из понтийских греков или даже скифов. В самом хвосте двое вели трех мулов.

«Подонки-работорговцы!» – с яростью подумал Спартак. Такие стервятники следовали по пятам всех армий, в которых ему доводилось служить. Обычно они покупали пленных, захваченных легионерами, но были не прочь похитить любого, кто оказывался слишком слаб или глуп, чтобы попасть им в руки. Мужчины, женщины, дети – они хватили всех. В последние десятилетия Рим постоянно испытывал потребность в рабах. Однако же этот человек не был обычным работорговцем. Он вел лишь мужчин, а значит, он работал на клиентов, владеющих

поместьями или шахтами. Спартак закрыл глаза и попытался отдохнуть. Его это все не касалось.

– Довольно! – крикнул Поллес, когда новоприбывший оказался в дюжине шагов от Котиса. – Поклонись царю!

Глава каравана тут же повиновался.

– Мое имя Фортис. Я торговец, – сказал он на ломаном фракийском. – Я пришел с миром.

– Превосходно, – язвительно бросил Котис. – Хотя девять твоих охранников не особо напугали моих телохранителей.

– Конечно, государь, – печально улыбнулся Фортис.

– Зачем вы явились?

– Государь, мой господин в Италии отправил меня за рабами.

– Это я вижу. Для сельскохозяйственных работ и тому подобного?

– Нет, государь. Мне нужны мужчины, которые могут сражаться на арене, как... – Фортис остановился, пытаясь подобрать слово, но все-таки перешел на латынь, – гладиаторы.

Спартак насторожился. Ему доводилось видеть, как захваченных римлянами военнопленных заставляли биться до смерти ради развлечения тысяч одобрительно вопящих легионеров. Жестокость этих боев смягчалась тем фактом, что победителей нередко отпускали на волю. Спартак сомневался, чтобы такое случилось в Италии. Неосторожное движение отозвалось в изодранной спине острой болью. Снова закрыв глаза, он принялся дышать сквозь боль.

– Гладиаторы? – Котис нахмурился.

– Да, государь, – ответил Фортис по-фракийски. – Опытные бойцы с разным оружием, сражающиеся друг с другом на глазах у зрителей до победы одного из них. Это первоклассное зрелище. Народ очень любит его.

– Вы используете только рабов? Что в них может быть интересного? – Котис не скрывал презрения.

– Среди военнопленных и преступников, разумеется, можно найти много достойных кандидатов. – Фортис кивком указал на своих пленников. – Но и обыкновенные рабы могут вполне подойти, если правильно их выбрать. Скифы, например, отличаются особой свирепостью, а понтийцы дерутся, как загнанные в угол крысы. Но лучшие из всех – фракийцы. Всем известно, что ваш народ самый воинственный в мире. У нас в Италии говорят «фракийцы хуже снега», а если бы ваши племена объединились, то завоевали бы все прочие народы.

– Медовые речи римлянина! – с рычанием перебил его Котис. – Так ты пришел посмотреть, не удастся ли купить здесь рабов?

– Да, государь, – смиренно ответил Фортис. – Пленников, которых ваши воины могли захватить во время набегов на иные племена, и других. – Он взглянул на Спартака и его товарищей и тут же отвел глаза.

Его интерес не ускользнул от Котиса.

– А эти гладиаторы долго живут?

Фортис снова оценивающе взглянул на Спартака. Потом посмотрел на Севта и Гетаса и презрительно фыркнул:

– Нет, государь. Лишь малой их части удастся протянуть больше года. Остальные вскорости терпят поражение. Раненых и униженных, их казнят на арене, на глазах толпы, жаждущей крови. Потом трупы выволакивают с арены и каждому перерезают горло, на случай если кто-то лишь притворяется мертвым, и выбрасывают на свалку.

Ариадна не сдержалась и тихо ахнула от ужаса.

– Смотрю, тебе не нравится эта идея? – Котис развернулся к ней, словно атакующая змея. Девушка промолчала и тем самым сказала ему все, что он хотел знать.

– Представь себе Спартака и его друзей, – протянул Котис, – на такой арене, перед тысячами римлян, требующих их смерти. В сотнях миль от дома они будут совершенно одни. Брошены на произвол судьбы. Не могу вообразить смерти хуже.

«И я, – подумала Ариадна, слушая пронзительные крики жен Севта и Гетаса. – Злобный ты сукин сын!»

Адреналин хлынул в жилы Спартака, и воин открыл глаза. Пускай это бой для развлечения вонючих римлян, но это звучит лучше, чем судьба, которую уготовил ему Котис. Он украдкой взглянул на Севта и Гетаса и воспрянул духом. На их лицах не было ни тени страха – лишь холодная, расчетливая ярость.

– Как именно их казнят? – сладострастно осведомился Котис.

– О, по-разному! Один из самых распространенных способов – проигравший должен встать на колени и поднять голову. А победитель закалывает его, вот так вот. – Фортис изобразил, будто ему вгоняют меч во впадинку у основания горла. – Клинок входит в грудную клетку, рассекая с полдюжины главных кровеносных сосудов. Проигравший умирает мгновенно.

«Быстрая, достойная смерть», – подумал Спартак.

От сочетания картины, нарисованной Фортисом, и привкуса крови во рту Ариадну охватила слабость. Пошатываясь, она изо всех сил пыталась удержать равновесие.

Сила ее страданий привела Котиса в восторг.

– И что ты мне дашь за этих тварей? – осведомился он.

«Дионис, помоги Спартаку!» – взмолилась Ариадна. Из толпы раздалось несколько гневных выкриков, но никто не посмел хотя бы приблизиться к царским телохранителям. Ариадна окончательно пала духом.

– Государь, что-то они не особо смотрятся, – прищурившись, пробормотал Фортис.

– Внешность зачастую обманчива, – возразил Котис. – Спартак – вон тот, первый, – только что вернулся после нескольких лет службы в ваших легионах, так что должен кое-что уметь. Остальные тоже крепкие парни, сражались во многих войнах.

– В самом деле? – безразлично произнес Фортис.

– Не играй со мной! – Лицо Котиса побагровело от гнева. – Не забывай – ты и твои люди находитесь здесь лишь по моей милости! Стоит мне щелкнуть пальцами, и мои воины сделают вам дополнительные дыры в теле! – Он взглянул на ближайших телохранителей; те ухмыльнулись и выразительно взяли за оружие.

– Государь, прошу прощения, – поспешно проговорил Фортис. – Я вовсе не хотел тебя оскорбить.

Котис чуть успокоился.

– Спартак идеально подходит. Как и два его друга.

– Разумеется! – согласился Фортис и хитро взглянул на царя. – А остальные?

– Они не продаются. Только эти трое.

К удивлению Ариадны, в бездну ее отчаяния проник крошечный лучик надежды. Неужто и вправду может найтись выход из этой ситуации?

– Могу я спросить почему?

– Они устроили заговор, чтобы свергнуть меня.

Фортис, похоже, не удивился.

– И сколько же ты хочешь за них, государь? Тысячу серебряных монет?

– У тебя точно есть яйца! Неужто ты вправду думаешь, что я отдам эти кучки собачьего дерьма бесплатно?

– Конечно нет, – мгновенно откликнулся Фортис. – Как насчет полутора тысяч?

– Две с половиной, или проваливай. Я не хуже твоего знаю, что фракийские рабы стоят вдвое дороже всех прочих.

Фортис даже глазом не моргнул. Он указал на Спартака и остальных:

– Могу я?..

– Да пожалуйста. На твоё счастье, выпороть успели только первого. Он чересчур легко отделался. Мой командир телохранителей лишь разогревался.

Спартак оторвал голову от деревянной рамы и злобно взглянул на подошедшего Фортиса. Не обращая на него внимания, торговец изучал его спину.

– Ты прав, государь. Это быстро заживет.

Он прошел дальше и принялся разглядывать двоих других, шупая их мускулы и осматривая зубы, словно перед ним были лошади. Дойдя до бритой головы Севта, работорговец одобрительно фыркнул:

– Это чтоб враги не могли схватить тебя за волосы в рукопашной?

Севт злобно зыркнул на него, но промолчал.

Фортис посмотрел на царя.

– Государь, это справедливая цена, – признал он.

Когда Котис победно улыбнулся, Фортис пролаял приказ, и один из его людей поспешил назад, к мулам. Он вернулся с двумя тяжелыми кошельками.

– Здесь должно быть с запасом, – сказал Фортис.

Котис жестом послал к нему Поллеса. Телохранитель без церемоний вывернул кошельки на землю и с помощью еще одного воина принялся считать монеты.

– Все сходится, – через некоторое время проворчал Поллес.

– Хорошо. Значит, мы договорились. Отвяжи их.

Котис бросил на Ариадну торжествующий злобный взгляд. Он не догадывался, что ее сердце колотилось от предвкушения. У нее наконец-то появился план, порожденный полным отчаянием. Или это все же вмешался Дионис? Ариадна не знала. Ее тактика могла не сработать, но нельзя же просто стоять!

«По крайней мере, я не умру сегодня». Спартак собрал остатки сил. Когда его веревки разрезали, он сумел подняться и не рухнуть на землю. «А как же Ариадна?» Его взгляд скользнул туда, где стояла девушка, и Спартак воспрянул духом. Как ни странно, на ее лице вместо смятения была написана решимость. «Она как-нибудь выживет».

– А ну идите сюда! – рявкнул Фортис. – Вы теперь мои.

Спартак и его друзья подошли к работорговцу и позволили его людям надеть на них железные ошейники. Так они оказались скованы цепью с остальными рабами. Унижение дополнили оковы на ногах. Им не оставили ни единой возможности сбежать. Впереди ждала арена. «По крайней мере, там у меня будет шанс выжить», – убеждал себя Спартак. Участь бесконечно предпочтительнее той, что уготовливал ему Котис. Сердце Спартака сдавило от ощущения вины перед Ариадной. Девушка и до этого момента продержалась-то на одной лишь решимости.

– А нет ли у тебя еще таких людей, государь? – спросил Фортис.

– Сейчас неподходящее время года для пленных! – огрызнулся Котис. – Лучше приходи летом, когда мы устраиваем набеги на другие племена.

– Я так и говорил своему хозяину, государь, но он не стал меня слушать. Мне вообще сильно повезет, если я не попаду в снегопад на перевалах, ведущих обратно в Иллирию. Ты позволишь нам отправиться в путь?

– Можешь идти, – буркнул Котис, уже поворачиваясь к Ариадне.

Спартак сжал кулаки. Никогда еще он не чувствовал себя настолько беспомощным.

Ариадна была в ужасе, но твердо знала, что ей сейчас следует сделать. Согнав сгустки крови за щеку, она заговорила самым непреклонным своим тоном:

– Я, верная жрица Диониса, взываю к нему, всемогущему богу опьянения и одержимости, – да засвидетельствует он мое проклятие, обращенное на царя мёзов!

На площади воцарилась мертвая тишина. Поллес и другие телохранители нервно переглянулись. Даже Фортис с его людьми прервали свои дела. Котис побелел, но не посмел остановить ее.

– Котис, никто не любит тиранов и убийц. Я проклинаю тебя. Да умрешь ты преждевременной насильственной смертью. Да умрешь ты медленно, в мучениях, с вражеским мечом в животе. – Ариадна остановилась, наслаждаясь своей силой. Дионис вернулся к ней! – Последние твои мгновения будут наполнены болью. А когда твоя жалкая душа расстанется с телом, менады будут гнать ее до самого Тартара. И там твою душу чудовища вечность будут рвать на куски. – С радостью глядя на потрясенного Котиса, она плюнула ему в лицо кровью. – И наконец, я отмечаю тебя как одного из избранных Дионисом!

У зрителей дружно вырвался громкий благоговейный вздох. Глаза царя были полны ужаса. Он стоял, словно онемев, и по щекам его стекали алые капли. А Ариадна подошла к Спартаку.

– Я – жена этого человека. Я последую за ним в неволю, – громко и властно объявила она.

– Его жена?! – взревел Поллес и сделал попытку преградить ей путь.

– Именно. Мы обменялись клятвами вчера вечером, – солгала Ариадна. Она вцепилась в свой плащ с такой силой, что у нее заболели пальцы. «Дай мне пройти!»

– И мы скрепили брак, – прохрипел Спартак. – После стольких лет на войне я не мог больше ждать.

Зрители захохотали, и щеки Ариадны запылали. Вновь униженный, Котис свирепо сверкал глазами, а Ариадна позволила себе ощутить капельку надежды. Никакой царь не захочет женщину, которая отдала свою девственность другому.

– Дионис желает, чтобы я отправилась со Спартаком в изгнание! – выкрикнула Ариадна.

– Дионис! Дионис! Дионис! – взревели жители селения, поддерживая ее, и громовой рев толпы заглушил все прочие звуки.

Разъяренный Поллес отступил. Ариадна поспешно встала рядом со Спартаком.

Фортис пожал плечами. Он не собирался в присутствии сотен обозленных фракийцев спорить со жрицей, вещающей от имени бога.

– Один лишний рот прокормить нетрудно.

– Ты точно этого хочешь? – тихо спросил Спартак.

– Взгляни на альтернативу. – Ариадна едва заметным кивком указала на Котиса.

– Понял.

– Мы отправимся в Италию и посмотрим, что за судьба ждет нас там, – нараспев произнесла она, пытаясь не обращать внимания на проснувшиеся в ней новые страхи. Однако же в глубине души Ариадна была довольна. «Я могу остаться с ним – по крайней мере, пока».

Спартак тоже был рад.

– Так ты не останешься одна.

Глава III

Капуя, Италия

– Пакций, покажи еще раз, – велел Карбон, протягивая гладий.

Привратник – здоровяк-самнит с копной вьющихся черных волос – меч не взял и обеспокоенно обернулся на открытую дверь таблинума, комнаты, где глава семьи проводил деловые встречи.

– Молодой хозяин, мы должны прекратить. Одно дело – биться на деревянных мечах, когда ты был маленьким, но теперь-то тебе уже шестнадцать, ты почти мужчина. Я не могу брать настоящий клинок – только если твой отец мне прикажет. Если он увидит, что я учу тебя пользоваться его собственным оружием...

– Не увидит, – бодро заявил Карбон. – Его не будет весь день. И мать вернется не скоро. Так что тут пока никого, кроме кухонных рабов. Я дал им по монете каждому, чтобы они помалкивали. Хватит беспокоиться. Наш секрет в безопасности.

– Ну если ты уверен... – грустно пробормотал Пакций.

– Уверен! – отрезал Карбон.

Пакций не знал, почему отец Карбона отсутствует. Финансовое положение Иовиана давно было неважным, а на днях ситуация еще более ухудшилась: Иовиан не сумел заплатить задолженность по займу за предыдущий квартал. Теперь они рисковали потерять ферму, дом здесь, в Капуе, и все имущество, включая рабов. Карбон узнал о трагедии семьи лишь потому, что накануне вечером подслушал разговор обеспокоенных родителей. Иовиан надеялся на то, что сегодня удастся приостановить исполнение судебного решения. В ярости от собственного бессилия юноша снова сунул самниту меч рукоятью вперед:

– Бери!

Не в силах возражать и дальше, Пакций крепко сжал кожаную рукоять.

– Держать надо так. Помни: чтобы воткнуть меч человеку в живот, нужна немалая сила. Смотри! – Он сделал выпад – сильный, хорошо рассчитанный – и отвел руку. – Понятно?

– Вроде да.

– Давай я погляжу, что у тебя получается. – Пакций вернул гладий Карбону.

Мрачный и сосредоточенный юноша держал меч поближе к правому боку. Он с ворчанием повторил движение Пакция, воображая, что всаживает железный клинок в брюхо понтийского воина или сицилийского пирата. Среди прочих он представил себе Сертория⁸, одного из засевших в Иберии сторонников Мария⁹. Хотя куда полезнее было бы всадить меч в главного из отцовских кредиторов!

– Так?

Пакций одобрителем поджал губы:

– Уже лучше. Еще раз.

Карбон охотно повиновался, изобразив град выпадов.

– Помедленнее. Береги силы. Одного удара в живот достаточно, чтобы разделаться с противником. Мало кто устоит, если нашинковать ему половину внутренностей. – Скривившись в притворной агонии, Пакций схватился за живот и изобразил, будто падает на землю. – В этом

⁸ *Квинт Серторий* (120-е – 73 до н. э.) – крупный политический деятель и полководец.

⁹ *Гай Марий* (158/157 – 86 до н. э.) – государственный деятель, семь раз занимал должность консула.

и заключается красота гладия. Если использовать его вместе с большим щитом вроде скутума да в плотном строю, тебя практически невозможно убить.

– Так был побежден твой народ.

Пакций скривился:

– Да, это одна из причин.

Карбон все свое детство слушал рассказы Пакция о Союзнической войне¹⁰, когда Рим сокрушил последних, яростно державшихся за свою независимость самнитов. Он знал, что это поражение все еще мучило Пакция, который некогда был высокопоставленным воином в своей стране, теперь же превратился в обычного раба. Пока они жили на ферме, в десяти милях от Капуи, он был распорядителем работ. После переезда в город стал исполнять роль привратника и сторожа. Именно к Пакцию Карбон шел со своими проблемами. Теперь же юноша мысленно выругал себя за то, что напомнил об этой давней болезненной истории.

– Я хочу научиться сражаться и со щитом тоже, – сказал он, меняя тему. – Сходи принеси один.

Карбон опустил руку в фонтан в центре маленького двора и несколько раз обтер лицо водой, чтобы освежиться. Нечаянно коснувшись множества оспин, покрывающих его щеки, юноша нахмурился. У него испортилось настроение. «Почему эти отметины не могли остаться на груди или спине?» Сначала легко было убедить себя, что ему повезло – он выжил, в то время как более трети заболевших оспой умирали, а многие выжившие слепли. Но вступить во взрослую жизнь уродом – это совсем другое. Ситуацию усугубляло то, что большинство тех, кого Карбон считал друзьями, теперь не желали его знать. И какая женщина может пожелать его? Мать Карбона твердила ему, чтобы он не беспокоился, что они договорятся с подходящей семьей, но это не уменьшало его ненависти к себе. В то время как некоторые его сверстники уже спали с податливыми девушками, дочерьми торговцев и им подобными, Карбон не мог решиться даже пойти в публичный дом и выбрать проститутку.

Единственной его формой сексуальной разрядки, помимо рукоблудия, оставался секс с отцовскими рабынями. Две-три из них были довольно симпатичные. Разумеется, они не могли отказать Карбону, когда тот приказывал им идти в его покои. За месяцы, прошедшие после выздоровления, он не раз пользовался этой властью. Секс стал настоящей отдушиной, но трудно было не обращать внимания на то, что его внешность вызывает у рабынь плохо скрываемое отвращение. Карбону очень хотелось, чтобы кто-то принял его таким, какой он есть. Юноша моргнул. «Хватит думать о себе. Отцовские проблемы намного важнее».

– Ну наконец-то! – воскликнул он, радуясь возможности отвлечься от семейных неурядиц.

Самнит нес скутум, которым Иовиан пользовался много лет назад, когда служил в армии. Карбон жадно протянул руку к щиту.

Но Пакций его не отдал.

– Терпение! – воскликнул самнит. – Знать все о своем оружии и снаряжении так же важно, как и уметь ими пользоваться.

Карбон неохотно кивнул.

Пакций постучал пальцем по металлическому ободу в верхней части щита (такая же вставка была и в нижней части):

– Вот это для чего?

– Сверху – чтобы защитить щит от ударов мечей, а снизу – чтобы он не портился от соприкосновения с землей.

– Хорошо. А это? – Пакций указал на тяжелый металлический умбон в центре щита.

¹⁰ *Союзническая война* («Марсийская война») – 91–88 до н. э.

– Украшение и вместе с тем оружие. – Карбон выбросил левую руку вперед. – Если ударить им врага в лицо, тот почти наверняка отклонится назад или вбок, открывая шею. – Юноша изобразил удар гладием. – Еще один повержен. – Он горделиво взглянул на Пакция.

– Приятно знать, что ты иногда обращаешь внимание на мои слова, – только и сказал самнит. – Давай начнем с основ. Как правильно держать щит. – Он повернул skutum и протянул юноше внутренней стороной вперед.

Карбон вздохнул. Нетерпение ничего ему не даст. Если он хочет воспользоваться опытом Пакция, надо его слушаться. Юноша взял щит горизонтальным хватом.

– Что дальше?

Наконец Пакций улыбнулся:

– Подними его повыше, так чтобы я видел лишь твои глаза. Меч держи на изготовку у правого бедра. Он должен смотреть вперед.

Карбон повиновался. Пульс его тут же участился, а звуки домашней жизни исчезли. Несмотря на мирное окружение, ему нетрудно было вообразить, будто он стоит на поле битвы, а по обе стороны от него – его товарищи. Но через пару мгновений картинка потускнела. Карбон нахмурился. Вряд ли это когда-нибудь произойдет. С тех пор как они четыре года назад переехали в город, отец много раз повторял, что наилучшая карьера для сына – не труд на земле, которым занималось множество поколений его предков, и не служба в армии, о которой мечтал Карбон, но политика. «Дни граждан-земледельцев прошли. Об этом позаботилось дешевое зерно из латифундий, а также с Сицилии и из Египта». Иовиан регулярно сетовал на изменения в сельском хозяйстве, в результате которых семейные фермы были практически уничтожены обширными поместьями. «А с другой стороны, брат твоей матери, Альфен Вар, делает себе имя в Риме. Он новый человек там, но посмотри на него – стал одним из лучших юристов Рима! И он любит тебя. Если боги будут благосклонны, то возьмет под крыло». Юрист! Хуже не придумать! Выходит, кроме тренировок с Пакцием, иных возможностей воспользоваться оружием ему не представится. И он с жадностью впитывал каждое слово, слетающее с губ самнита.

Прежде чем всерьез начать учить Карбона тонкостям владения оружием, Пакций заставил юношу двадцать раз обежать вокруг дворика с гладием и skutumом в руках. Потом самнит показал Карбону, как двигаться в бою. Он постоянно подчеркивал, как важно держать строй и не отрываться от товарищей.

– Вопреки тому, что ты мог себе надумать, битвы выигрываются не героизмом одиночек. Победу приносит дисциплина, простая и незатейливая! – рявкнул самнит. – Именно она отличает римского солдата от большинства его противников, и именно она – главная причина побед легионов на протяжении последних двух сотен лет. – Он скривился. – Моему народу дисциплины не хватило.

Карбон удвоил усилия, представляя себя в рядах армии, побеждающей италиков, могучих карфагенян и гордых греков. Однако в глубине души он осознавал, что эти картины – лишь его фантазии, и это отравляло удовольствие. Сейчас важнее всего отцовские долги. И все же Карбон упорно представлял себя солдатом. Рассказы Пакция о войне волновали его с раннего детства.

– Нам пора закончить. – Пакций глянул на небо.

Карбон не стал спорить. Он весь взмок, и руки его горели. Было все еще светло, но солнце опустилось ниже красной черепичной крыши дома. Мать вскоре должна вернуться, а за нею следом и отец.

– Хорошо. – Юноша благодарно улыбнулся. – Поучишь меня завтра еще.

– Я смотрю, ты настроен серьезно?

– Да. Я хочу быть солдатом, что бы там ни говорил отец.

Пакций задумался, прикусив губу.

– Что? – нетерпеливо спросил Карбон.

– Лучший способ подтянуть твою физическую форму – тренироваться с правильным снаряжением, а не с этим вот. – Пакций без малейших усилий поднял гладий и skutum. – Новобранцы в легионе занимаются с деревянным мечом и плетеным щитом, которые вдвое тяжелее этих. Здесь мы с ними тренироваться никак не можем. А вот за городом – другое дело.

– Ты имеешь в виду ту равнину к северу от стен? – Ее использовали так же, как в Риме – Марсово поле. Юноши города, как знатные, так и простолюдины, занимались там разными видами спорта. – Туда нам нельзя. Кто-нибудь увидит. Рано или поздно это дойдет до отца.

– Я думал о пустыре на юге, куда свозят мусор из города. Там нас никто не побеспокоит, – с лукавой улыбкой объяснил Пакций.

– Хорошая идея. А отцу я могу сказать, что ты учишь меня метать копье и диск на тренировочном поле на севере. Против этого он возражать не станет.

– Я знаю торговца, у которого можно купить снаряжение. – Пакций развернулся, собираясь уходить.

– Погоди... – Карбон заколебался, но все же добавил: – Спасибо.

– Да не за что. Подожди до завтра, – предупредил Пакций. – После часа тренировок с чуелом твоя благодарность может исчезнуть.

– Не исчезнет, – пообещал Карбон. – Ты, как раб, не обязан это делать для меня.

– Ну... – Самнит кашлянул. – Я столько лет присматривал за тобой. Было бы глупо прекратить это сейчас.

У Карбона в горле внезапно образовался ком, и юноша смог лишь кивнуть.

– Хорошо. Тогда завтра утром?

– Завтра утром.

Пакций ушел, ничего больше не сказав.

Во двор ворвался порыв ветра, и Карбон задрожал, вдруг остро осознав, что весь в поту. Надо было помыться и переодеться. Подумав о задаче, стоявшей сегодня перед отцом, юноша вздохнул. «Юпитер, Величайший и Наилучший, помоги нам, молю».

Карбон перехватил Иовиана, как только тот вернулся. Отец был невысоким мужчиной с редяющими черными волосами и добрым лицом, в последнее время постоянно обеспокоенным. Но Карбон позабыл обо всем, когда кинулся объяснять отцу свою идею. К его облегчению, отец не возражал против того, чтобы Пакций обучал его, Карбона, метанию диска и копья. Однако же вскоре радость сменилась ощущением вины. Неудивительно, что он не встретил возражений. Лицо Иовиана было серым от усталости – или беспокойства.

Карбон совсем уж собрался спросить, что случилось, когда вмешалась мать.

– Так ты хоть из дому выберешься, а то последние полгода почти никуда не выходишь, – сказала она с ободряющей улыбкой.

Карбон пробормотал слова благодарности, но его хорошее настроение испарилось. Повернувшись, он заметил, как отец одними губами проговорил матери: «Три дня» и «Марк Лициний Красс». Что это – последний срок уплаты долга? Неужто главный кредитор отца – Красс, самый богатый человек в республике? Этого Карбон не знал, но, судя по мрачному лицу Иовиана и слезам матери, вывод напрашивался сам собой. Родители ничего больше не сказали, и Карбон не спал всю ночь, размышляя, чем бы он мог помочь. Но что тут придумаешь? В шестнадцать лет, не владея никаким ремеслом или профессией – ничем, кроме имени, – он не так уж много мог предложить кому бы то ни было. Досаду Карбона усугублял тот факт, что юристам, в числе которых его хотел видеть отец, платили очень хорошо. Да, на обучение всем премудростям профессии ушло бы много лет, но потом он станет получать гораздо больше, чем простой солдат.

На следующее утро Иовиан ушел рано, снова сказав, что его не будет весь день. Мать Карбона осталась в постели – ей нездоровилось. Навестив ее, Карбон отправился в город с Пакцием. Скромный дом их семьи стоял в зажиточном районе неподалеку от форума. Застенчивый, как всегда, и раздраженный, как никогда прежде, Карбон гневно сверкал глазами на людей, толпившихся на узких улочках. Ему недоставало покоя сельской местности, где прошло его детство. Ярость юноши заметил лишь Пакций. Лавочники, торгующие вином, хлебом, мясом и овощами, были заняты – зазывали к себе более перспективных покупателей. Ремесленники – кузнецы, плотники, гончары, валяльщики и колесники – трудились в своих мастерских, и им некогда было рассматривать прохожих.

На свободных местах разминались жонглеры и акробаты, готовясь к представлению. Редко появляющийся заклинатель змей сидел со скрещенными ногами и флейтой в руках, указывая на свою корзинку и описывая самых ядовитых змей, каких только можно вообразить. Было рано, и потому в дверных проемах, служащих входом в квартиры наверху, отсутствовали обычно толпящиеся здесь проститутки. Лишь изувеченные прокаженные приставали к Карбону. Они вызывали у него сардоническую улыбку: есть же на свете люди и поуродливее его.

Пакций привел Карбона в грязноватое заведение неподалеку от южных ворот. Чем дольше Карбон изучал выставленные товары, тем быстрее бежала кровь в жилах. Вместо обычных продуктов, скобяных изделий или предметов домашнего обихода здесь торговали оружием. На деревянных стойках у входа красовались дюжины мечей, по большей части гладиев. Еще Карбон заметил характерный изгиб как минимум одной фракийской сики и за ней – несколько галльских длинных мечей. К стенам лавки были прислонены связки дротиков и метательных копий, а рядом небрежно составили щиты разной формы и размера.

Зажав деньги, выданные Карбоном, Пакций вошел в лавку, чтобы поговорить с ее сидящим хозяином. Вскоре он вынырнул обратно с двумя большими плетеными щитами. Под мышкой же нес пару деревянных гладиев.

– Но мы не можем принести их домой, – встревожился Карбон. – Отец поймет, что происходит.

– Я обо всем договорился. За небольшую плату мы можем оставлять снаряжение в лавке, а по утрам забирать его.

Находчивость Пакция заставила Карбона улыбнуться. Но в следующее мгновение к нему вернулся гнев. Если отец не получит новую ссуду, у них будет три дня, и не больше. И что произойдет через три дня? Юноша не хотел даже представлять этого.

Пакций вывел Карбона за южные стены Капуи, к открытому пространству, заваленному огромными грудями мусора. Местами среди мусора валялись трупы мулов, собак, а изредка – и людей. Запах гниющей плоти присоединялся к едкой вони свалки. Неудивительно, что здесь было безлюдно. Даже нищие, приходящие сюда каждый день, чтобы порыться в грудях зловонного мусора, не задерживались на свалке сверх необходимого. От страха кожа Карбона покрылась мурашками. Боги, неужели в конце концов придется пробираться через мусор? Он глянул на черные силуэты ворон, деловито клюющих трупы.

Их двоюродные братья, стервятники, лениво парили в высоте по одному-двое, выискивая самые лакомые кусочки.

Пакций остановился у мертвого дерева, чьи ветви напоминали когти:

– Это будет твой палус¹¹. Начнем здесь.

Карбон достаточно знал об обучении гладиаторов, чтобы понять, что этот узкий, корявый ствол сыграет роль столба, который ему предстоит осыпать ударами меча. Юноша свирепо ухмыльнулся, вообразив привязанного к столбу Марка Лициния Красса.

– Что я должен делать?

¹¹ Палус – чучело для военных упражнений.

Пакций с выправкой ветерана показал ему, как приближаться к дереву со щитом в руке. – Относись к нему с уважением, как будто это вражеский воин, желающий разрубить тебя на куски. Двигайся легко, на подушечках стоп. Голову держи низко, так чтобы из-за щита были видны только глаза, а меч – поближе к боку. Когда подойдешь достаточно близко, бей в живот или в сердце. – Самнит указал на почерневшее отверстие в середине ствола – какая-то болезнь сожрала часть древесины. – Отступаешь – рубишь справа, потом слева. Продолжаешь, пока я не скажу остановиться.

Подражая Пакцию, Карбон уверенно приблизился к «палусу» и насколько мог быстро вонзил гладий в дыру. От удара руку встряхнуло, и юноша отдернул тяжелый клинок. Карбон сразу же принялся с удвоенной силой наносить рубящие удары с разных сторон. От ствола полетели щепки и куски прогнившей древесины, и он удвоил усилия. К двадцатому удару Красс был давно мертв, изрублен в мелкую лапшу. Правая рука Карбона начала уставать. Юноша вопросительно взглянул на Пакция.

– Разве я сказал тебе остановиться?

– Нет.

– Ну так продолжай! – рявкнул самнит.

Карбон угрюмо повиновался. Не этого он ждал. Тренировка оказалась бесконечно далека от работы с настоящим гладием. И мишенью было простое дерево, а не человек, держащий в руках судьбы их семьи. Вскоре все мышцы руки вопили об отдыхе, а дышать было невыносимо трудно. Но остатки гордости не позволяли взглянуть на Пакция.

– Достаточно.

Облегченно хватая воздух ртом, Карбон разжал пальцы, и гладий упал на землю. И тут же Пакций без предупреждения прыгнул вперед, и его щит врезался в щит Карбона. Юноша отлетел назад, прочь от своего оружия. Самнит с рычанием принялся наступать на него с занесенным мечом.

– Это так-то ты бы сделал в настоящем сражении, а? Бросил гладий и остался безоружным? Да я никогда еще не видел такого образчика чистейшей дури!

– Но это не настоящее сражение, это всего лишь тренировка! – запальчиво возразил Карбон.

Пакций снова неумолимо надвинулся на него, осыпая щит юноши безжалостными ударами. Один из них пришелся вскользь по голове, и у Карбона потемнело в глазах. Он мог лишь держаться из последних сил. В конце концов самнит ослабил натиск.

– Ты понял теперь, почему никогда нельзя бросать оружие? – спросил он.

– Понял, – обиженно пробормотал Карбон.

К его облегчению, Пакций не обратил внимания на тон.

– Иди и подбери меч. К палусу мы вернемся позже. А сейчас пора заняться твоей физической формой. – Увидев вопросительный взгляд Карбона, Пакций рассмеялся. – Видишь вон то дерево? – Он указал куда-то вдаль.

Прищурившись, Карбон разглядел одинокий бук в полумиле от них.

– Да.

– Я хочу, чтобы ты пробежал туда и обратно. – И после короткой паузы: – Пять раз. С гладием и щитом. Без остановок.

Карбону захотелось сказать Пакцию, куда тот может засунуть себе свой деревянный меч, но он лишь решительно кивнул. «Я здесь затем, чтобы учиться!»

– Ну так вперед! Чего ждешь?

Начиная понимать, во что он ввязался, Карбон побежал быстрой рысью.

Прошло несколько часов. И за это время самнит позволил Карбону лишь три коротких перерыва – отдышаться и глотнуть воды. После забега на пять миль Пакций отправил ученика снова атаковать палус, но разрешил делать это медленнее. Далее последовали отжимания, рас-

тяжка и опять бег, а после – еще работа со щитом и мечом. К тому моменту, как самнит наконец-то объявил, что на сегодня довольно, Карбон уже готов был растянуться на земле, однако согласился бы скорее сдохнуть, чем признать это вслух.

– Ну как я? – храбро поинтересовался юноша.

Пакций взглянул на него с неодобрением:

– Ждешь похвалы за первый день тренировок? Не трудись. Тебя убили бы в первые мгновения любой битвы.

Карбон сердито сверкнул глазами.

Пакций хлопнул его по спине:

– Не падай духом. Я бы сказал то же самое любому новичку. Если уж начистоту, ты проявил куда больше энтузиазма, чем иные на твоём месте.

Карбон заулыбался. Это действительно была серьезная похвала. Но потом улыбка его поблекла. «Преуспел ли отец?»

– Что случилось? – спросил самнит. – Ты весь день чем-то озабочен.

– Ничего, – угрюмо отозвался Карбон.

Пакций приподнял брови.

«Я не могу ему сказать». Карбон посмотрел на солнце.

– Нам уже пора бы возвращаться.

– Да, не стоит вызывать подозрений у твоих родителей, – согласился самнит.

Карбон что-то буркнул. Его мысли уже были заняты другим – как бы выяснить, что там у отца. Неведение сделалось невыносимым.

Назад они брели в молчании. Вскоре добрались до последнего отрезка Аппиевой дороги. Невозмутимые волы, запряженные попарно, влекли крепкие скрипучие телеги, полные сена или корнеплодов. Крестьяне шли рядом, то подбадривая волов, то время от времени пуская в ход плетку. Торговцы шагали перед своими повозками с товарами – самосской керамикой из красной глины, амфорами с вином или оливковым маслом и тюками тканей. Их окружали охранники, небритые, угрожающего вида мужчины с копьями, дубинками, а иногда и с мечами. Колонны рабов, скованных одной цепью, тащились за хозяином и его вооруженными помощниками. Официальные гонцы на лошадях с отвращением пробирались через стада овец, которых гнали на бойню. Промаршировал отряд легионеров; щиты легонько хлопали их по спине. Они горланили непристойную песенку, а опцион¹² старательно пропускал ее мимо ушей.

Карбона захлестнула бессильная ярость. Это было то самое товарищество, которого он жаждал и которое никогда не обретет. В голове юноши принялись роиться безумные идеи. Может, ему сбежать и вступить в армию? Но совесть тут же одернула его. Нельзя бросать семью в таких тяжелых обстоятельствах. Карбон отчаянно хотел как-нибудь помочь родителям, но годовой заработок легионера и близко не покрывал отцовские долги. От досады он пнул одинокий камень, валявшийся у мощеного полотна дороги. Тот отлетел и ударил шагающую впереди нервную лошадь чуть выше копыта. Та в испуге встала на дыбы и чуть не сбросила всадника, мужчину средних лет с багровым лицом. Тот принялся сыпать ругательствами, и Карбон поспешно притворился, будто очень заинтересован пейзажем справа от него. «Жаль, что это не был Красс. Жаль, что он не грохнулся и не свернул себе шею».

– Хорошо хоть никто не заметил, как ты пнул камень, – пробормотал Пакций, когда всадник умирил лошадь. – А то ты, пожалуй, познакомился бы с его плетью. Точно не хочешь сказать, что происходит?

Карбон покачал головой. Ему невыносимо было думать, что у Пакция появится новый хозяин и он никогда больше не увидит самнита. Тот пожал плечами:

– Ну как знаешь.

¹² Опцион – помощник центуриона, занимался тренировкой солдат и наблюдал за порядком.

Они прошли под массивной аркой южного входа в Капую. В окружающих город стенах было несколько таких ворот. Оборонительные сооружения не использовали со времен Второй Пунической войны, когда местные политики сдуру решили переметнуться на сторону Ганнибала. Наказание, назначенное Римом, было суровым: городом и поныне правил претор, а горожанам до сих пор не вернули гражданские права, пожалованные остальным жителям Италии. «Гражданские права? – досадливо подумал Карбон. – Кто знает, не лишусь ли я их в ближайшее время?»

Вскоре они добрались до дому. Едва вошли в атриум, как раздался оклик:

– Карбон!

«О боги, он, должно быть, ждал нас. Юпитер, пускай новости будут хорошими!»

Иовиан стоял на пороге своего кабинета – скромно отделанной комнаты с выходом в атриум. Карбон ее недолюбливал. Там не было ни мечей, ни еще каких-либо воинских реликвий – лишь бюсты прославленных римских и греческих ораторов, давно умерших людей, чьи имена отец старался в него вколотить, а Карбон отказывался их запоминать. Стоило Карбону войти в кабинет, как он ощутил их взгляды из-под тяжелых век – и смутился.

Иовиан просматривал какой-то свиток. Когда Карбон подошел, он со вздохом свернул документ.

– Где ты был?

– Тренировался с Пакцием.

Иовиан непонимающе взглянул на него.

– Ну, с диском и копьем, помнишь?

– Ах да. Надеюсь, ты хорошо провел время. Отныне это не часто будет тебе удаваться.

У Карбона упало сердце.

– Что-то случилось?

– Ты, возможно, заметил, что в последнее время я был очень занят.

– Да.

– И ты понимаешь, почему мы четыре года назад перебрались в Капую?

В памяти Карбона всплыли счастливые воспоминания об их прежнем доме – солидного размера вилле, стоящей на их собственной земле.

– Не совсем.

– Я оказался не в состоянии содержать такое большое хозяйство.

В голубых глазах Иовиана отразился стыд.

– Но как это могло случиться? – вскричал Карбон.

– Оно обесценилось из-за египетского зерна. Это разорение! Я не понимаю, как местные фермеры могут с ним соперничать. Теперь вырастить пшеницу здесь дороже, чем привезти ее за сотни миль. – Иовиан вздохнул. – Я каждый год говорил себе, что все еще исправится, что урожаи в Египте уменьшатся, что боги ответят на мои молитвы. Я занял значительную сумму денег, чтобы удержать нашу ферму на плаву. И что же? Цена зерна упала еще ниже! За последние двенадцать месяцев доходов почти не было, и нет никаких шансов на улучшение ситуации.

– Выходит... – нерешительно произнес Карбон.

– Мы разорены. Разорены. Мой самый значительный кредитор – римский политик Марк Лициний Красс. Ты слышал о нем?

– Да. – «Так, значит, я правильно расслышал».

– По словам его представителя, с которым я имею дело, терпение Красса иссякло. Думаю, это неудивительно. Я задержал выплаты вот уже на три месяца. – Иовиан стиснул зубы. – Но я не могу простить Крассу, что он забирает не только ферму и виллу, но и этот дом.

От этих слов Карбон оцепенел.

– Ты меня слышишь?

Казалось, будто голос отца доносится из какого-то длинного туннеля.

– Карбон, нас выселят отсюда.

«Проклятый Красс!» Юноше едва удавалось сдерживать гнев.

– Выселят?

– Этот дом больше не наш, – мягко произнес отец. – Мы поедем в Рим. Вар примет нас на некоторое время. – Его губы искривились. – Во всяком случае, надеюсь, что примет, когда мы появимся у него на пороге без предупреждения.

Карбона затопило чувство вины.

– Прости, – пробормотал он.

– За что?

– За то, что только и думал, как бы удрать с Пакцием и потренироваться. Я должен был пытаться помочь тебе.

– Боги всевышние, мальчик, ты ни в чем не виноват! – воскликнул Иовиан.

– А что будет с рабами?

– Все теперь принадлежит Крассу, кроме наших личных вещей. Рабы пойдут вместе с домом. – На лице отца отразилось сожаление. – Знаю, как много для тебя значит Пакций.

– Но ты наверняка можешь что-то сделать! – вспыхливо воскликнул Карбон.

– Я побывал у всех заимодавцев города.

– Нет, я имел в виду – может, ты бы обратился к Крассу напрямую?

– Скорее уж я войду во врата Гадеса и поглажу по голове Цербера. – Иовиан увидел по лицу сына, что тот ничего не понимает. – Красс – само дружелюбие и радость, когда он дает деньги взаймы. А вот когда он решает взыскать долг, то превращается в демона.

– Мерзавец! – пробормотал Карбон. – погоди немного – я его научу манерам!

– Я не желаю слышать подобных речей, – отрезал Иовиан. – Мы – законопослушные граждане. Кроме того, Красс не сделал ничего неподобающего. Ты меня понял?

Карбон не ответил.

– Карбон!

– Да, отец. – Юноша подавил негодование.

– Тогда иди, – устало велел Иовиан. – Собирай вещи. Мы должны завтра освободить этот дом, и путь до Рима долог.

Карбон умчался в свою комнату и принялся дубасить подушку. Он колотил ее, пока не заболели кулаки. Невозможно было поверить в происходящее. Его мир только что рухнул. Отныне они будут зависеть от милости дяди. Что может быть хуже? Вар был по-своему добрым, но с огромным самомнением и зачастую властным. Карбон живо представил его покровительственный тон и годы беспредельно нудных уроков, которые придется отсиживать, прежде чем стать юристом.

Побег показался в тот миг единственно возможным выходом. У него были свои сбережения – немного денариев в глиняном горшке под кроватью. С ними можно снять комнату где-нибудь в Капуе и прожить, пока не найдет работу. Какую именно – Карбон не знал, но эта идея казалась ему куда более привлекательной, чем нищее прозябание в Риме. «Я заслуживаю большего!»

Посреди всей этой неопределенности ясно было лишь одно.

Придет день, и он отомстит Крассу.

Глава IV

Несколько недель спустя

Побережье Иллирии

Солнце еще карабкалось к зениту, когда колонна добралась до оживленного порта. В основном здесь стояли расширяющиеся к середине торговые суда или простенькие рыбацкие одномачтовые лодки, но в конце каменного причала сразу бросался в глаза узнаваемый остроносый силуэт римской триремы. Как нетрудно было догадаться, она заняла лучшее швартовочное место и добрую половину площадки для выгрузки товаров. Однако же присутствие военного корабля не вызывало злобы. Снующие в порту торговцы и моряки были даже рады ей. Одни лишь слухи о ней помогали отпугнуть ненасытных киликийских пиратов, которыми кишели местные воды. Без защиты триремы торговцы то и дело рисковали потерять свои товары, рабов и даже саму жизнь.

Над головой кружили чайки, время от времени ныряя к воде; взгляды глаз-бусинок были устремлены на сети с уловом, которые выволакивали на берег местные рыбаки. Путников они игнорировали. В свою очередь, и Фортис, возглавляющий колонну, не обращал никакого внимания на вопящих птиц. Его интересовало лишь одно – найти судно, чтобы доставить товар в Италию. Фортис оглядел пятнадцать пленников. Он бы охотно перевез через Адриатику побольше добычи, но долгие годы в торговле рабами научили его не жадничать. Пятнадцати вполне довольно. Фракийцы, скифы и понтийцы – отличный материал для гладиаторов, но, ради всех богов, они же скользкие как угри! Ненадежные. Опасные. И поэтому все его рабы были прикованы друг к другу за шею и шли в ручных и ножных кандалах. Восемь крепких стражников Фортиса прежде были солдатами. Если он прикажет, любой из них перережет человеку глотку или сбросит его за борт, даже не моргнув.

Вспомнив последний случай, когда он отдал охраннику именно такой приказ, Фортис скривился. Подобные потери досадны, но все же время от времени они случаются. За годы работорговли Фортис видел немало людей, которые словно лишались разума, когда наконец осознавали, какая ужасная судьба их ждет. Порой это случалось во время перехода через горы, отделяющие Фракию от Иллирии, или когда на западе у горизонта возникало сверкающее Адриатическое море. Но чаще всего – когда приходила пора грузиться на корабль и плыть в Италию. Хотя в этот раз вроде бы должно обойтись. До сих пор купленные им люди вели себя спокойно и не создавали неприятностей. Теперь остался лишь короткий переход морем. А потом быстро пересечь Апеннины – и он в лудусе, школе гладиаторов в Капуе.

Там его ждет Лентул Батиат, ланиста – тренер, принимающий лишь лучших. Фортис вздохнул. Требование Батиата было единственной причиной, по которой им приходилось тащить свои задницы чуть ли не до Малой Азии в поисках подходящего для арены материала. Большинство ланист охотно покупали рабов, которых выставляли на помосте на их местном рынке в Италии. Но не Батиат. Подумав об увесистом кошельке, который он получит по возвращении, Фортис расслабился. Его тяжелая работа того стоила. Батиат придиричив, но платит хорошо.

Фортис снова окинул взглядом купленных или похищенных за последние два месяца несчастных. Среди них было четверо скифов, бородатых, татуированных дикарей, которых он с первого дня держал по отдельности. Но они все равно при каждой возможности пытались

о чем-то поговорить на своем гортанном языке. Это быстро пресекли, и теперь они точно не замыслили побег – по крайней мере, шептаться перестали: Фортис приказал избить дикаря, которого последним поймали шепчущимся с приятелями.

Трех понтийцев Фортис купил у торговца с длинными прилизанными волосами на границе Иллирии и Фракии. По его словам, это были изменники из армии Митридата, которых захватили в плен фракийцы, воевавшие на стороне римлян. Фортис не знал, действительно ли это так, и ему было наплевать. Шрамы на груди и руках воинов и их манера держаться говорили, что перед ним бойцы, а это все, чего желал Батиат.

Фортис осмотрел остальных восьмерых. Как обычно, большинство пленников составляли фракийцы. Самые воинственные из всех народов, с которыми доводилось сталкиваться Риму. Сильные, умные и упрямые. Прирожденные воины, они отлично сражались как из засад, так и в открытом бою. Всегда готовы биться до смерти. Злейшие враги. Хорошо, что большинство фракийцев в конце концов приняли сторону Рима! Теперь они поставляли основную часть мяса для гладиаторских игр.

Самый крупный из фракийцев – воин с черными волосами – с вызовом уставился на Фортиса, когда поймал его взгляд. Работорговец сделал вид, будто ничего не заметил. Избивать их сейчас бессмысленно. Важно не сокрушить дух раба полностью. Если этот дурень научится сдерживать свой норов, то переживет первые недели беспощадных тренировок. Человек с хотя бы толикой мозгов вообще способен протянуть в лудусе год. Если фракиец не только удачлив, но и умен, то может продержаться три года и получить право на рудис, деревянный меч, символизирующий свободу. А если боги милостивы к нему, он пробудет гладиатором пять лет, и ему эту свободу даруют. Фортис решил, что черноволосый мужчина на вид достаточно силен для этого. Как и приземистый, мускулистый воин с завитками татуировок на груди. А остальные? Торговец лениво оглядел группу. Скорее всего, они так долго не протянут.

Последним его взгляд упал на самого непримечательного на вид фракийца, крепко сбитого шатена с короткой стрижкой и синева-серыми глазами. Странно, что он знает имя этого человека. Обычно Фортис не утруждал себя такими подробностями. Но его называли в селении мёзов, где он купил еще двоих. Котис, вождь племени, заявил, что эти трое – заговорщики, желавшие свергнуть его. Фортиса это не волновало. Вина – или невиновность – троицы, как и прочих его новых приобретений, не имела никакого значения.

Фортис заметил, что Спартак смотрит на группку стоящих неподалеку женщин, и фыркнул. Жена Спартака, как это нередко случалось, последовала за ним. Иной исход – остаться без защиты мужчины – куда хуже. Стройная, замкнутая Ариадна держалась спокойнее, чем ее спутницы, плакавшие и причитавшие при ночных визитах Фортиса и охранников. Но никто не сопротивлялся. Это было частью неписаной платы за возможность сопровождать колонну. При мысли об Ариадне у Фортиса зануло в паху. Она была скорее яркой, чем красивой. Проглядывало в ней нечто дикое, необычное. Это привлекало. Однако же Фортис ее не трогал, как и его люди. По правде говоря, Фортису не хватало на это храбрости. Попробуй забудь проклятие, которое она обрушила на Котиса! А кроме того, эта безумная носила при себе ядовитую змею. И кто осмелится подойти к такому созданию?

Однако же этот Спартак, похоже, не представлял собой ничего особенного. Ладно, подождем, пока его ранят – или, лучше, убьют на арене. Тогда и посмотрим, насколько храбра эта сучка.

Спартак угрюмо наблюдал за Фортисом. Тот вел переговоры с капитаном торгового судна, и они, похоже, уже почти договорились.

– Ну вот. Теперь едем напрямиком в Италию.

Чувство вины за смерть Олинфа и десяти казненных воинов давило как никогда прежде. «Гнить тебе в царстве Гадеса, Котис!»

– Если только корабль не потонет, и мы с ним. – Гетас подавленно смотрел на сверкающую под солнцем поверхность моря. Оно тянулось до восточного горизонта. – Погода сейчас непредсказуема. Буря может налететь в любое мгновение.

– Изменить мы ничего не можем, остается просить богов о защите, – отозвался Спартак. – Привыкай к этой мысли.

Погруженный в собственные мрачные думы, Гетас не заметил его раздражения.

– Я никогда прежде не бывал на этих вонючих кораблях, – продолжал он.

– Приготовься непрерывно блевать следующий день-два. Не понадобится даже плохой погоды, чтобы тебя затошнило, – предупредил Севт. – Достаточно просто находиться на борту. Невозможно угадать, куда проклятый корабль двинется в следующее мгновение – вверх, вниз, вперед, назад, с борта на борт. Все постоянно меняется.

– Ну спасибо, – буркнул Гетас. – Жду не дождусь.

Спартак тоже опасался морской болезни. Во время службы в легионе ему доводилось плавать на кораблях, правда недолго – чтобы доплыть от Малой Азии до юго-восточного побережья Фракии. «Пусть это будет худшей из моих забот!» Заметив приближающуюся Ариадну, он заставил себя улыбнуться.

– Жена.

– Муж, – серьезно отозвалась она.

Поскольку рабы были скованы между собой, Гетас с Севтом не могли дать Спартаку с Ариадной побыть наедине с того самого момента, как они покинули селение. Однако же из вежливости завели привычку отступать на шаг. Сделали они это и сейчас и принялись негромко беседовать. Спартака затопила волна благодарности к товарищам.

– Готов к путешествию? – спросила она.

– В какой-то мере.

Ариадна нахмурилась, подозревая, почему он ответил именно так, но не желая спрашивать.

– Отъезд из Иллирии – это навсегда. Дело не во мне, понимаешь? Я примирился со своей судьбой, – прорычал Спартак. – Я беспокоюсь о тебе! Когда меня убьют, ты останешься одна. Не просто в чужой стране, полной негодяев-римлян, но рядом с Фортисом, который постоянно будет пытаться трахнуть тебя. Я видел, как он смотрит на тебя. Может, все-таки передумаешь? Останешься здесь?

– Это было мое решение. Или ты забыл, что Котис собирался сделать со мной? – При одной мысли об этом Ариадну замутило. – Уйти с тобой – это был наилучший вариант для меня! Куда еще я могла пойти – обратно в Кабиле, к тамошним сварливым старым жрецам? Или к этому мерзавцу, моему отцу? А что касается Фортиса – тьфу! Этот сукин сын получит змею в лицо, если попытается распусть лапы. Нет. Мое место здесь, рядом с тобой. – Надеюсь, что ее бравада достаточно убедительна, Ариадна взяла его за руку. – Так пожелал Дионис, – солгала она.

Спартак внимательно взглянул на нее:

– Ты это видела?

– Нет, не совсем. – Ее вздох был полон непритворного сожаления. – Но вряд ли Дионис желал, чтобы я осталась там, на поругание Котису. Что это бы дало? Так я, по крайней мере, могу нести его слово обратно в Италию. Там несколько поколений запрещали молиться ему. Я стану его новым посланцем.

Спартак на мгновение задумался. Похоже, он все равно не сумеет ее остановить. И если уж говорить начистоту, хорошо, что она отправится с ним.

– Так тому и быть.

Ариадна вознесла безмолвную молитву к Дионису: «Прости! Я не желала упоминать твое имя всуе. Ведь правда же наилучший выход для меня – отправиться в путь вместе со Спарта-

ком? Я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти тебе новых почитателей». – «Трусиха! – возопила ее совесть. – Ты заботаешься лишь о собственной шкуре!»

После злосчастной переправы через Адриатическое море они провели в пути еще почти неделю. Спартак оказался не готов увидеть плодородные земли Италии, ее поля, где росли все злаки, какие только можно себе представить. Это было ошеломительное зрелище, даже если не принимать в расчет житницы Сицилии и Египта.

Неудивительно, что эти мерзавцы сумели создать такие огромные армии! Римлянам была гарантирована пища – в отличие от народов, живущих на скудной земле. Однако же при всем плодородии Италии Спартак радовался узким горным тропам, по которым они шли через Апеннины, – эти места напоминали ему Фракию. Здешние пейзажи были удивительно прекрасны: крутые ущелья, стремительные реки и скалы, где жили лишь птицы. По пути они встретили только одного пастуха.

Пару часов назад их колонна спустилась с гор и вступила на широкую мощеную Аппиеву дорогу. Они двинулись далее на юго-восток, к Капуе, чьи внушительные стены уже виднелись на горизонте. Однако, не доходя где-то четверти мили до стен, заметили отдельно стоящее приземистое прямоугольное здание. Заходящее солнце частично подсвечивало его сзади, превращая постройку в черную нависающую громаду.

– Вот вы и прибыли, прекрасные господа, – фыркнул Фортис и взмахнул рукой. – Можете взглянуть на свой новый дом!

Все до единого пленники вытянули шею.

– Это похоже на какую-то чертову крепость, – негромко произнес Гетас.

Фортис расслышал его слова.

– Поздравляю! Ты не так глуп, как кажешься на вид, – ответил он по-фракийски. – Это она и есть! Стены почти десяти футов в толщину и один-единственный вход, который денно и ночью охраняют шесть лучших людей Батиата. А вы чего ждали, если там внутри две сотни отребья наподобие вас? Надеюсь, вам там понравится, потому что, стоит вам туда войти, псы, выходить оттуда вам придется только на арену. Или, – он злобно взглянул на рабов, – ваши трупы выбросят на соседнюю свалку. – Фортис сверкнул глазами на семерых нефракийцев, непонимающе глядящих на него. – Путешествию скоро конец! – крикнул он на латыни и указал на здание. – Лудус! Лудус!

Пленники принялись подавленно переговариваться, а работороговец улыбнулся.

– Что это он сказал? – прошипел Севт Гетасу, кое-как знающему латынь. Тот шепотом объяснил ему, и на лице Севта появилось гневное выражение. – Да пошел он! – прорычал фракиец. – Насмехается тут над нами, словно мы стадо скота, которое он гонит на бойню!

– Примерно так оно и есть, – угрюмо отозвался Гетас. – Только нас сожрут не люди, а стервятники.

Фортис двинулся вдоль строя, выискивая, кого бы огреть плетью, и они замолчали.

Спартак не отрывал взгляда от дороги. Он дал себе зарок никогда ничего не говорить ближе чем в пятидесяти шагах от Фортиса. Этот человек знает фракийский куда лучше, чем делает вид, а слух у него просто невероятный. Спартак держался начеку, пока капуанец не занял свое место во главе колонны. А вот с этого момента Спартак не сводил взгляда с лудуса, неотрывно смотрел на него, пока они подходили к нему. Здание казалось неприступным. Постепенно слышался гул голосов и знакомый лязг оружия. Спартак стиснул зубы. Предстоящие ему битвы будут куда меньшего масштаба, чем те, к которым он привык. Если верить Фортису, схватки в основном проходят один на один. Но это не значит, что он будет относиться к ним как-то иначе. На самом деле нужно стараться вдвое сильнее. Действовать вдвое быстрее. Вдвое безжалостнее. С одной-единственной целью – победить. Теперь вся его жизнь будет строиться вокруг этого. Вокруг победы.

Или так, или смерть, а умирать еще рано.

Спартак не слишком беспокоился о себе, но он теперь не один. Надо присмотреть за Гетасом и Севтом. А самое главное – Ариадна. Спартак пока не понимал, как обеспечить ее средствами к существованию. Он слышал, будто лучшие гладиаторы могли получать неплохие деньги, и надеялся на это. Деньги позволят Ариадне выжить в случае его смерти.

«Даруй мне хотя бы это, о Великий Всадник!»

Карбон крутился и вертелся, пытаясь устроиться поудобнее. Но это было невозможно. Грязный соломенный тюфяк под ним просто разваливался на части. А еще в нем полно клопов. В одеяле было больше дыр, чем в рыболовецкой сети. По полу туда-сюда сновали крысы, выискивая еду. Он вечером вылил ведро, стоявшее в ногах, но от него до сих пор несло мочой и дерьмом. Поскольку у него не было денег, чтобы купить дров для стоящей углу маленькой жаровни, в комнате было холодно. Комнате? Карбон скривился. Эта дыра не заслуживала такого названия.

Самое дешевое жилье, которое ему удалось отыскать, располагалось наверху пятиэтажной инсулы, многоквартирного дома. Здесь не имелось окон, а масляную лампу он зажигал редко, так что свет проникал сюда лишь через прорехи между черепицами крыши. Карбон оглядел свои жалкие владения. Пожалуй, это помещение можно было бы назвать чердаком. Десять шагов на шесть, скошенная крыша не позволяет встать в полный рост. Дверь не запирается, а стены такие тонкие, что слышен каждый звук, издаваемый соседкой, старухой со слезящимися глазами и непрерывным кашлем.

Старая ведьма сейчас была у себя и, как и всю ночь, кашляла и хрипела – Карбон даже подумал, что ее рвет. Ему хотелось пойти туда и удавить каргу. Но вместо этого он положил голову на жалкое подобие подушки, а второе ухо заткнул пальцем. Помогло плохо. «Боги всевышние! С тем же успехом можно пойти на улицу!» Все равно кашель не дает заснуть. Он надеялся, что сможет поспать, когда старуха встанет. Да и смысл куда-то идти? На улице чертовски холодно. Конечно, Карбон не только поэтому лежал тут, свернувшись клубочком под одеялом, одетым. У него не было ни денег, ни работы. Идти некуда. Перспектив никаких. Юношу переполняла бессильная ярость. С момента побега его дела шли все хуже и хуже.

Он затаился на несколько дней, а потом вернулся к родному дому. Кроме пары домашних рабов, там присутствовали лишь официального вида мужчина в тоге и рабочие. Карбон попытался поговорить с агентом Красса, но тот отмахнулся от него, равно как и от просьбы юноши позволить ему встретиться с Пакцием. Убедившись, что его родители уехали, – и возмущившись этому, – Карбон принялся искать работу. И вскоре осознал, что весь его план был ужасной ошибкой. Большинство торговцев, к которым он обращался, при виде хорошей туники и холеных рук поднимали его на смех. Кто-то предлагал работу, но за такую низкую плату, что Карбон в ответ советовал, куда они должны засунуть подобное предложение. К сожалению, его сбережений надолго не хватило. На жизнь требовалось куда больше денег, чем он думал. Немногие оставшиеся друзья помогали ему, давая еду и деньги, но и их доброжелательность начала иссякать.

Карбон яростно скрипнул зубами. Чем он или его семья так прогневали богов? Он посетил все главные храмы, просил совета. Но не услышал в ответ ничего. Ничего. Даже старый предсказатель, которому Карбон накануне отдал последние монеты, оказался бесполезен – он сообщил, что Карбон вскорости женится на дочери богатого торговца!

– Вшивый шарлатан! – пробормотал Карбон. – Надо будет отыскать его и забрать деньги.

Мысль о браке заставила его вспомнить о матери. «Боги, она же наверняка переживает из-за меня! И отец тоже». Но гордость не позволяла ему написать семье письмо. «Я пошлю им весточку, когда дела пойдут получше. Когда стану зарабатывать».

Карга в соседней комнате снова закашлялась, и юноша оставил всякие попытки отдохнуть. Встав, Карбон застегнул плащ последней своей ценной вещью – серебряной брошью, подаренной матерью год назад, когда он получил тогу. Карбон провел по ней пальцами и безмолвно попросил Юпитера и Фортуны о помощи. Почувствовав себя капельку лучше, направился к лестнице. Может, сегодня ему повезет и боги наконец-то помогут ему. А если нет, возможно, он найдет способ вступить в армию. Всяко лучше, чем с позором возвратиться к родителям в Рим. У него заурчало в животе: да, он почти ничего не ел последние три дня. Карбон принялся лихорадочно размышлять. Может, удастся украсть буханку в соседней пекарне?

С того момента, как они прошли под каменной аркой и вступили на двор, окруженный колоннадой, они постоянно ощущали на себе любопытные взгляды. Фортис повел свою добычу прямо в центр круглой арены для тренировок, вынуждая находившихся там гладиаторов расступиться. Никто из них не огорчился из-за перерыва в тренировке. Отнюдь. Бойцы столпились вокруг новеньких. Посыпались оскорбления и улюлюканье на нескольких языках; а когда гладиаторы заметили Ариадну и остальных женщин, улюлюканье сменилось свистом и непристойными предложениями. Из всех сил стараясь игнорировать оскорбления, Спартак выискивал взглядом главных крикунов и запоминал их. Коренастый фракиец с забранными в хвост длинными волосами. Костлявый галл с недостающими верхними зубами. Нубиец с золотой серьгой. «Я еще разберусь с этими мерзавцами».

Ариадна, шагавшая в центре группы женщин, упорно смотрела себе под ноги, на песок арены. Пока все тут не узнают, что она со Спартаком, лучше привлекать к себе как можно меньше внимания.

– Заткнитесь, вы, шавки! – крикнул Фортис. Он посмотрел на лучников, стоявших на протянувшемся вокруг всего двора балконе второго этажа. – Эй, вы, там! Сообщите Батиату, что я вернулся! Быстро! – Один из стражников поспешно удалился, и работорговец подошел к своим пятнадцати пленникам. – Построиться! Построиться! Лицом сюда! – приказал он. – Батиат пожелает видеть, кого я ему привел!

Спартак, Гетас и Севр шли недалеко от головы колонны, и теперь они оказались крайними на левом фланге. Пока ждали Батиата, столпившиеся гладиаторы беспрестанно насмехались над всеми вместе и над каждым в отдельности.

– Эй, новенький!

Не реагируя на подначки, Спартак рассматривал десятки безжалостных лиц. Преобладали здесь галлы, фракийцы и германцы, и понемногу греков, египтян и нубийцев. Он выделил три основных типа гладиаторов. Фракийцы, как и он сам, были одеты лишь в набедренную повязку и широкий кожаный пояс; голову защищали типичные шлемы с гребнем. Счастливым достались еще и наголенники. У всех были деревянные сики. С его соплеменниками смешались десятки косматых галлов, голых по пояс, в подпоясанных ремнем штанах. Они держали в руках деревянные копья или длинные мечи и выглядели ровно такими свирепыми, как о них и рассказывали. Были там и незнакомые Спартаку бойцы, в шлемах с тройным гребнем и простенькими металлическими нагрудниками.

– Новенький! Я с тобой разговариваю!

Гетас ткнул Спартака локтем в бок:

– Это вон тот здоровенный козлина слева, со шрамом через рот.

Взгляд Спартака метнулся вбок и остановился на глыбообразном галле с длинными белокурыми волосами. Лицо его было изуродовано рубящим ударом меча – обычного человека такой удар прикончил бы. Результатом стал багровый рубец, протянувшийся от правого глаза к левой стороне подбородка. Удар каким-то необъяснимым образом миновал нос, но рассек губы надвое. Рану зашили, но, насколько Спартак мог судить, не особо умело. Когда этот бычара принимался говорить, половины его лица двигались независимо друг от друга.

– Ты мне, что ли? – огрызнулся Спартак.

– Тебе, тебе, – прорычал галл и облизал изуродованные губы. – Встретимся потом с тобой в купальне. Можешь отсосать мне.

Раздался грубый гогот. Фортис улыбнулся. Спартак подождал, пока шум немного стихнет.

– Отсосать такому уродливому сукиному сыну? – Он рассмеялся. – Тебе очень повезло. В честь знакомства я буду вежлив. Но если ты еще хоть раз взглянешь в мою сторону, я отправлю тебя напрямик к Гадесу. Понял?

Снова грохнул смех. Уязвленный галл шагнул вперед.

– Ах ты, фракийская сволочь! – прошипел он.

Фортис преградил галлу дорогу, заноса плеть.

– А ну назад! – рявкнул он. Когда галл угрюмо повиновался, работорговец повернулся к Спартаку. – А ты помалкивай, пока тебя не спросят, мразь!

Капли его слюны попали на лицо Спартака, но тому хватило здравомыслия не вытираться.

– Фортис! Ты вернулся! – прорезал шум негромкий, но властный голос. – Добро пожаловать!

Злобное выражение исчезло с лица Фортиса.

– Благодарю, господин. – Торговец поклонился появившемуся на балконе невысокому дородному мужчине.

– Что, небольшая проблема с новыми рекрутами?

Батиат уже оценивающе осматривал пленников. Спартак сознательно не стал смотреть в глаза ланисте. Товарищи инстинктивно последовали его примеру. Не стоит слишком рано привлекать внимание Батиата.

– Все нет, господин. Просто обычные шуточки. Ты же знаешь, как это бывает.

– И то правда. – Дойдя до конца строя, Батиат перенес внимание на капуанца. – Твое путешествие прошло успешно?

– Пожалуй, да, господин. Не переплатил ни за кого из этих скотов, но это крепкие ребята, и похоже, что они умеют постоять за себя. Надеюсь, ты останешься доволен моим выбором.

– Расскажи мне о них.

Фортис принялся восхвалять каждое свое приобретение, а Спартак тем временем искоса разглядывал гладиаторов. Кто же их вожаки? Ему придется войти в их число, и чем раньше, тем лучше. Неподалеку от здоровяка, с которым он переругивался, Спартак заметил еще одного галла, огромного, с выпирающими мускулами и заносчивым выражением на красивом широком лице. «Вот этот ублюдок. Надеюсь, его мастерство уступает его габаритам». Взгляд Спартака скользнул дальше. Мгновение спустя он остановился на германце со сломанным носом, почти таком же здоровенном, как заносчивый галл. Он казался непримечательным на вид, но стоящие по бокам двое верзил меняли картину. «Вот вожак. А это его телохранители». Больше он не заметил никого сопоставимого с первыми двумя, но он знал, что многие бойцы будут считать себя выше его, жалкого новичка.

Фортис завершил свою речь.

– Конечно, окончательно все станет ясно, только когда они выйдут на арену, но, похоже, ты хорошо потрудился, – объявил Батиат.

– Благодарю, господин, – осклабился капуанец.

– Пускай с них возьмут клятву, потом снимут цепи и помогут устроиться. Не стоит впустую терять время тренировок сверх необходимого, верно? – И, довольно кивнув, Батиат удалился.

– Так этот сукин сын живет тут, в лудусе? – прошептал Гетас.

– Похоже на то. – Спартак осматривал нижний ярус. – Оружейная комната и лазарет тоже вроде бы тут. А несчастных говнюков вроде нас размещают вон там. – Он кивком указал на камеры, занимающие три стороны портика.

– Эй, вы, мешки с дерьмом! – проорал Фортис. – Вам пора поклясться в верности вашей новой семье – гладиаторам, которых вы видите вокруг. – Он повторил эти же слова на фракийском и греческом. – Поняли?

Один из скифов, мужчина с густой черной бородой, шагнул вперед:

– А если мы откажемся?

Фортис шелкнул пальцами, и лучник на балконе вскинул лук.

– Твой путь завершится. Здесь. Сейчас. Ясно?

Скиф заворчал и отступил.

– Еще кто-то? Нет? – Фортис фыркнул. – Я так и думал. Тогда повторяйте за мной слова клятвы гладиаторов, самой священной из клятв, какую вы, жалкие подобия людей, когда-либо давали или дадите!

В лудусе воцарилась тишина. Оглядевшись, Спартак понял, что собравшиеся вокруг бойцы с уважением относятся к тому, что должен сейчас произнести Фортис. Все они прошли через этот ритуал. В безжалостном мире лудуса он придавал их жизни смысл.

– Клянётесь ли вы стерпеть ожоги и цепи?

На миг возникла пауза.

– Да, – пробормотали пятнадцать человек.

– Клянётесь ли принять принимать удары и плети?

– Да.

– Вверяете ли вы себя Батиату телом и душой, не прося ничего взамен? Клянётесь ли принять смерть от меча или от копья... – теперь уже Фортис сделал паузу, – или любую другую, какую сочтет уместной ланиста?

Ответа не последовало.

Ариадна оцепенела. Она даже не думала, что гладиаторы обязаны давать клятву!

Девушка не видела, как скрипит зубами Спартак. «Телом и душой?»

– Отвечайте! Или лучники выстрелят. На счет «три»! – крикнул Фортис. – Один!

Спартак посмотрел на Гетаса и Севта.

– Глупо умирать из-за нескольких слов, а? – прошипел он; оба напряженно кивнули.

– Два! – проревел Фортис.

– Да! – крикнули пятнадцать человек.

– Громче!

– Да!!!

– Хорошо. Добро пожаловать в нашу семью. – Улыбка Фортиса напомнила Спартаку волчий оскал. Запустив руку за пазуху, работорговец вытащил цепочку, на которой висела связка ключей. – Пора освободить ваши бандитские задницы! Свобода! – Расхохотавшись над собственной шуткой, он принялся отпирать железные ошейники. Он дошел до Спартака, их взгляды встретились.

«Когда-нибудь я его убью», – подумал Спартак. Но вслух негромко спросил:

– Где мы будем спать?

– Посмотри по сторонам. Некоторые из этих камер пустые. Кто первый, того и камера, – буркнул капуанец.

– А когда нас будут кормить? – спросил Гетас.

– С утра и после окончания тренировок, примерно через полчаса. И питание хорошее. – Заметив их интерес, Фортис хохотнул. – Ячменная каша дважды в день и столько воды, сколько сможете выпить.

– Я... – попытался было протестовать Севт.

– Да? – Голос Фортиса был мягок как шелк, но взгляд полон яда.

Севт отвел глаза.

– Отдыхайте, пока можете. Завтра тренеры решат, кто у кого будет обучаться, – посоветовал Фортис и нахмурился, увидев, что они его не поняли. – Начинайте учить латынь, тупые скоты, или вы вообще ничего не добьетесь. На этот раз я объясню. Есть три основных типа гладиаторов: «галл», «самнит» и... – он прервался, чтобы сплюнуть, – «фракиец». – С этими словами он перешел к следующему рабу.

– Давайте попробуем занять пару соседних камер, – сказал Спартак своим товарищам. Потирая ссадину на шее, он направился к группе женщин, но успел сделать лишь несколько шагов, как его с силой толкнули сзади. Спартак споткнулся и упал на одно колено. Он даже не глядя знал, кто это. Похоже, бой надо провести прямо сейчас. Если он попытается уклониться, его жизнь в лудусе станет труднее вдвое. Однако он безоружен, а у его противников оружие, вероятно, было. Он инстинктивно загреб с арены пригоршню песка, а потом вскочил и развернулся. – Это ты меня толкнул? – прорычал он.

– Ну я. – Галл с разрубленными губами пожал плечами. В правой руке он держал грубо обработанный железный прут и теперь взмахнул им. – Я направил тебя к купальням. – Он посмотрел по сторонам, и двое его приятелей недобро ухмыльнулись.

Спартак сосредоточился на самодельном оружии вожака, вероятно украденном из кузницы. Он не удивился, увидев, что его противник вооружен. Всякий боец, у которого есть хоть капля мозгов, обзаводится оружием. Если же ума не хватает или человек слишком слаб, он в конце концов делается либо подпевалой, либо куском мяса для типов вроде этого галла. Спартак не знал, какие у него шансы в драке с этой троицей, но отступить не собирался. Просто не мог.

– Да ну? – негромко произнес он, делая шаг вперед. – Ну а я не собираюсь мыться прямо сию минуту.

Галл шевельнул изуродованными губами и потер промежность:

– А кто говорил про мытье?

Его приятели расхохотались.

Пригнувшись, Спартак сделал еще шаг, желая подобраться как можно ближе.

– Тебе точно не помешает вымыться. Ты воняешь не хуже опоросившейся свиньи!

Взревев от ярости, галл ударил Спартака в живот самодельным кинжалом.

Спартак взмахнул рукой и разжал пальцы, отправляя песок в полет. И в тот же миг скользнул в сторону, уходя от противника. Галл, получив полные глаза песка, взвыл, а Спартак развернулся и от души врезал ему кулаком в бок. Галл зашатался, а Спартак добавил еще пару ударов, и его противник растянулся на земле. Ощувив движение сзади, он полуобернулся, но чужой кулак все же прилетел ему в скулу. У Спартака посыпались искры из глаз, а голову словно пронзили болью тысячи игл. Колени его подогнулись, и лишь сверхъестественным усилием он не рухнул поверх галла. Кто-то схватил его сзади за руки, пытаясь прижать их к бокам. Спартак ударил головой назад и попал нападавшему в переносицу. Он почувствовал хруст ломающегося хряща и услышал, как гладиатор закричал и упал. Спартак лихорадочно огляделся. Где третий сукин сын? Он поздно заметил стремительное движение слева. По блеску металла в руке нападающего Спартак понял, что он в смертельной опасности. Попытался уклониться – слишком медленно. Он приготовился к мучительной боли от входящего в тело лезвия. Но каким-то чудом удар не достиг его. Вместо этого откуда-то выскочил Севт и отшвырнул третьего галла.

Пока Севт осыпал противника градом ударов по лицу и корпусу, Спартак огляделся в поисках галла со шрамом и второго его приспешника. Оказалось, со вторым быстренько управился Гетас, а первый нападавший все еще сыпал ругательствами и пытался избавиться от песка в глазах. Спартак быстро подхватил заточенную железяку, валявшуюся у его ног. Искося

взглянув на лучников, он понял, что те заметили драку, но вмешиваться не собираются. Пока. Несомненно, здесь такие драки в порядке вещей.

– Не убивайте их, но пошумите как следует, – прошипел он. – Я в купальню.

Не дожидаясь ответа товарищей, Спартак влетел в помещение следом за галлом, поймал его за правую руку и завернул ее за спину. А самодельный кинжал приставил к горлу противника.

– Иди, – приказал он. – Иди, или я твою гребаную шею насквозь проткну этой штукой.

Галл повиновался и зашагал на негнущихся ногах в ту сторону, куда направлялся несколько мгновений назад.

– Что ты собрался делать? – прорычал он.

Спартак ткнул его железкой в шею так, что выступила кровь:

– Пасть закрой.

На арене Гетас и Севт, выкрикивая оскорбления, пинали двух других галлов и плевали на них. Спартак удовлетворенно ухмыльнулся. Внимание лучников сейчас приковано к этой шумной потасовке. Именно этого он и хотел.

– Пошел. Быстро! – прошипел он.

Заметив пар, выходящий из забранных решеткой окон, Спартак направился к ближайшей двери. Он затолкнул галла внутрь, подальше от глаз охранников. Они очутились в квадратной парилке с мозаичным полом и стенами. Стены покрывали красочные изображения рыб, морских чудовищ и Нептуна. Вдоль стен тянулась низкая скамья; на ней лежали тючки одежды, оставленные гладиаторами, которые плескались за дверью в купальне. В воздухе висел плотный, резкий запах ароматических масел. Сейчас в парилке находился всего один человек, полураздетый темнокожий невысокий мужчина с черными волосами. Он замер и изумленно вытаращился на эффектное появление парочки.

Отлично, подумал Спартак. Мне нужен свидетель, который об этом расскажет.

– Так это сюда ты собирался меня привести, а?

Сжавшийся от страха галл кивнул.

– Чтобы отсосать тебе? – яростно бросил Спартак.

– Да.

– Но этого не будет? – Спартак завернул руку галла еще дальше, к лопатке, и тот застонал от боли.

– Нет!

– К сожалению, у меня нет времени, чтобы заставить тебя страдать. А надо было бы, говнюк ты сраный. – И Спартак, немного отведя железяку, изо всех сил всадил ее в шею галла. Раздался громкий булькающий звук, и руку Спартака залила кровь. Он вырвал прут из раны, следом хлынула красная волна и потекла на пол.

Попытавшись что-то произнести сдавленным голосом, галл сделал пару шагов и рухнул ничком. Вокруг скрюченного тела быстро растеклось алое озеро.

– Ты кто? – Продолжая сжимать в руке окровавленное оружие, Спартак устремил взгляд на темнокожего мужчину.

– Р-Рестион. Я из Иберии.

– Ясно. Ну а я – Спартак Фракиец. Если ты не понял, так сообщаю: я только что сюда прибыл. И это – мой ответ всякому, кто решит до меня докапываться. – Он указал на галла. – Позаботься рассказать всем до единого в лудусе, что здесь произошло. Ты меня понял?

– Да.

– Но ни слова Фортису и никому из охранников. Я не хочу, чтобы тебя постигла такая же участь.

– Б-буду нем как могила.

– Ну тогда мы друг друга поняли.

Вытерев железный прут туникой галла, Спартак сунул его себе за пояс и неторопливо вышел. Немзыкально насвистывая песенку, он посмотрел на балкон. Охранников явно мало интересовало происходящее. Фортиса тоже было не видать. «Отлично. Возможно, мне это сойдет с рук». Потом он поискал взглядом Гетаса и Севта. Они о чем-то громко разговаривали с Ариадной – ну а на самом деле, конечно же, оберегали ее до его возвращения. Увидев его, Ариадна рванулась вперед, но он жестом велел ей подождать.

– Где те два галла?

– Уползли в ту задницу, которую они называют домом, – со свирепой ухмылкой ответил Севт.

– У одного сломана рука, а второму я добавил к сломанному носу пару треснувших ребер, – вклинился Гетас. – А что с тем уродом?

– Будет лежать в купальне, пока кто-нибудь не вытащит его оттуда.

В глазах Ариадны вспыхнул ужас.

– Так он...

– Мертв, да, – прямо ответил Спартак. – Иначе было нельзя. Если бы я оставил ему жизнь, все в этом поганом месте сочли бы меня... нас, – он указал на Гетаса и Севта, – легкой добычей. А теперь они знают, что это вовсе не так.

Ариадна кивнула. Убийство галла служило нескольким целям сразу. Спартак не сможет присматривать за ней непрерывно. Потому важно, чтобы все гладиаторы знали, что она с человеком, который шуток не понимает. Труп в купальне объяснит это всем очень доходчиво.

Глава V

Тело галла обнаружили быстро. Следующими в купальни вошли двое германцев. И выскочили обратно, вопя во всю глотку. По лестнице загрохотали шаги – вниз понеслась группа стражников. Посмотреть, как обмякшее тело галла вытаскивают наружу, собралась целая толпа бойцов. За ним оставалась широкая полоса крови. Спартак наблюдал за происходящим от дверей камеры, которую занял для них с Ариадной. К своему удовольствию, он увидел, что никто из стражников не был особо удивлен такой находкой. Рестион тоже выполнил свою задачу. Многие бойцы посматривали на Спартака, в основном с уважением, но некоторые – с яростью или с вызовом. Спартак не обращал на них внимания. Несомненно, теперь куда меньше народу захочет задираться с ним. Интересно, какотреагирует Фортис? Если только Рестион его не выдаст, у капуанца не будет никаких свидетельских показаний. Ничего, кроме бродящих по лудусу слухов. Хватит ли капуанцу этого, чтобы начать действовать? Вряд ли. Убийства в купальне или туалете наверняка были обычным делом. Это помогало поддерживать естественный порядок в лудусе.

Так оно и оказалось. Злобные взгляды, которые Фортис вскоре принялся кидать на Спартака, свидетельствовали, что слухи до него дошли, но капуанец не стал ничего предпринимать. Прошло еще полчаса, и тренировки гладиаторов завершились. Вскорости прозвучал гонг, призывающий на ужин. Спартак храбро вышел во двор вместе с Ариадной. Гетас с Севтом шли в двух шагах за ним. Они направились в обеденный зал, заставленный столами и скамьями. Через двери тянулась очередь. Сквозь висящий в воздухе пар Спартак рассмотрел водруженный на стол котел, а рядом – стопки мисок и груды деревянных ложек. У котла стояли раб с поварешкой и следящий за всем Фортис. Он напоминал ворона с глазами-бусинками. Еще в зале присутствовали четыре мускулистых стражника – для предотвращения беспорядков.

Друзья встали в хвост очереди. Стоящие впереди бойцы немедленно оглянулись. Пара человек приветственно кивнули Спартаку, он кивнул в ответ. Ни с ним, ни с его товарищами никто не заговорил, это и к лучшему. Первые сутки в лудусе должны были дать всем понять, что он не рвется ни с кем дружить. Он предупредил об этом Гетаса и Севта. Они молча прошли в кухню.

– А вот и он! Новый латро! – насмешливо произнес Фортис. – Берегитесь кинжала в спину.

При этих словах многие гладиаторы подняли голову. Некоторые заржали. Никто ничего не сказал.

– Я не разбойник! – громко ответил Спартак.

– Да ну? – фыркнул Фортис.

– Ну да.

– Так, выходит, ты ничего не знаешь про труп в купальне? Про того уродца, который умер из-за дыры в шее?

– Не понимаю, о чем ты.

– А я слышал другое.

Спартак выразительно пожал плечами:

– Можешь верить во что хочешь. Люди любят сплетни. А сплетни – это чушь собачья. У тебя доказательства есть?

– Мне не нужны доказательства, чтобы вершить правосудие, недоумок! – рявкнул Фортис. – Скажем так: всякий, способный одолеть эту скотину-галла, должен быть хорошим бойцом. Я жду от тебя великих деяний на арене!

«Будь ты проклят!» Спартак предполагал, что капуанец не станет ничего предпринимать, даже если узнает.

Но Фортис еще не закончил с ним.

– И как же такой дерьмовый латро сумел раздобыть себе такую первоклассную бабу, а?

Гладиаторы снова оглянулись на них и похотливо заухмылялись, оценив яркую внешность Ариадны.

– Я – воин племени мёзов, а Ариадна – моя жена. – Спартак спокойно улыбнулся, но в душе у него разрастался гнев. Хотелось броситься на капуанца и вколотить ему зубы в глотку, но сейчас важнее сохранять самообладание. Он почти наверняка убьет Фортиса, только вот четверо стражников тут же прикончат его. Очень глупая смерть.

– А ваш царь рассказывал другое. Он сказал, что ты лживый сукин сын, который устроил заговор, чтобы свергнуть его.

Спартак почувствовал, как у него на скулах играют желваки.

– Неудивительно! – огрызнулся он. «Котис всегда был трусливым дерьмом».

– Что-что? Я не расслышал.

– Конечно, Котис так сказал! – крикнул Спартак. – Он был слабым вождем. Само мое существование угрожало его власти. Продать меня в рабство – это для него был идеальный выход.

– Так, значит, не стой ты здесь, ты бы сейчас правил мёзами? – Фортис посмотрел на раба, скупко накладывающему ячменную кашу; тот послушно хихикнул. – Слышали? Среди нас царь!

Некоторые гладиаторы рассмеялись. Один из них, тот массивный заносчивый галл, на которого Спартак уже обращал внимание, вышел из очереди и повернулся к ним. Белокурые волосы, усы, из одежды лишь расшитые узором штаны – он был настоящим воплощением галльского воина. К нему присоединилось с полдюжины бойцов. Галл преувеличенно почтительно поклонился:

– Государь, займи мое место. Если сможешь.

«Боги всевышние! Мне – нам – сейчас только не хватает драки с ним и его дружками!»

– Друг, ты пришел раньше, – напомнил Спартак, твердо встретив взгляд здоровяка. – Как и остальные передо мной. Я войду, когда подойдет моя очередь.

– Испугался драки?

– Нет. Но я не хочу драться с тобой этим вечером. Фортис пытается нас сравить. – Спартак мысленно молился, чтобы галл оказался не только силен, но и умен.

– Давай, Крикс! Будь послушным мальчиком! – выкрикнул кто-то из толпы.

По рядам гладиаторов прокатился веселый гул. Фортис нахмурился.

От Крикса не ускользнул ни язвительный комментарий, ни выражение лица торговца.

– Что ж, тогда в другой раз, – буркнул он. Бросив недобрый взгляд на Фортиса, здоровяк схватил миску со стола и сунул раздающему. – Клади давай! До краев!

Кухонный раб поспешно повиновался.

Крикс взял лепешку и потопал прочь. Ближайший из приспешников встал на его место.

Гетас облегченно выдохнул:

– Хвала Всаднику! Этот ублюдок здоровенный, как Геркулес.

– Даже у Геркулеса были свои слабости, – отозвался Спартак. – Этот галльский ублюдок явно непопулярен здесь. Большинство бойцов охотно посмеялись над ним. Думаю, те шестеро, что стояли рядом, – единственные его сторонники.

– Но их все равно на четыре больше, чем нас, – заметил Севт.

– Верно. Потому нам и нужно пока что избегать драки с ними, – согласился Спартак, подумав о здоровяке-германце со сломанным носом. Сколько человек поддерживают его? Окажется ли он таким же задиристым, как Крикс? А самниты? Спартак надеялся, что они поспокойнее. Он не сможет провернуть каждую драку так, как с тем уродом-галлом.

Ему о многом требовалось подумать, пока они будут есть.

Когда они разбрелись по своим камерам, Спартак все еще размышлял. Большую часть их камеры – всего десять на десять шагов – занимали два тюфяка, набитые соломой. Никакой мебели. На самом деле, кроме тюфяков, здесь наличествовало лишь имущество Ариадны: две маленькие статуэтки Диониса и плетеная корзинка с ее змеей. Бетонные стены покрывали непристойные или хвастливые надписи – наследие предыдущих жильцов. По углам проступили пятна плесени, и из-за них в комнатухе стоял неприятный, затхлый запах.

– Наконец-то. Дом, – бодро произнесла Ариадна. – Ну, будет, когда я наведу здесь порядок.

Спартак буркнул в ответ нечто утвердительное. Тут его взгляд упал на корзинку, и у него чуть не остановилось сердце. Крышка была сдвинута.

– Смотри! – Он осторожно заглянул внутрь. – Боги всевышние! Она уползла! – Спартак отошел в центр комнаты.

– Не волнуйся, – успокаивающе проговорила Ариадна. – Никуда она не денется. Если только... – Ее взгляд метнулся к щели под дверь. – Дионис, не дай ей уползти наружу! – прошептала девушка. Змея – единственная ее защита!

Спартак ее не слушал. Он стянул тунику и оставил ее висеть на левом запястье. Осторожно подняв первый тюфяк, фракиец заглянул под него. Пусто. Он оттащил его в сторону и прислонил к стене. Потом приподнял край второго тюфяка.

– Вот она! – воскликнула Ариадна, указывая на свернувшееся кольцами гибкое тело. – Дай я ее возьму.

Но Спартак ее опередил. Откинув тюфяк, он набросил тунику на змею, прыгнул и схватил ее пониже головы.

– Ага, попалась! – прошипел он.

– Что ты делаешь? Ты же ее терпеть не можешь! – Девушка подала корзинку, чтобы Спартак мог бросить змею туда.

Спартак подождал, пока она закрепит крышку.

– Верно. Но страху надо сопротивляться. Как говорится, если чувствуешь, что у тебя за спиной демон, повернись и встреть его лицом к лицу. – Он вытер лоб и улыбнулся.

– Она могла тебя укусить! В следующий раз дай мне это сделать самой! – огрызнулась Ариадна, раздраженная тем, что ему хватило дерзости прикоснуться к святыне. А еще она перепугалась того, что могло произойти.

– В следующий раз?! Если бы ты закрыла корзину как следует, мы бы вообще это не обсуждали сейчас! – не остался в долгу он.

– Никогда больше не трогай ее! – вспыхнула Ариадна, покраснев от гнева и неловкости. Увидев, что она не в духе, Спартак решил не обращать на нее внимания.

Ссора повисла в воздухе, словно дурной запах, и они молча стали укладываться спать. Спартак задул масляную лампу и лег рядом с Ариадной. Они лежали так близко, что могли коснуться друг друга, но ни один из них этого не делал. И ничего не говорил. Несколько мгновений спустя Спартак случайно задел ее ногой. Прежде чем он успел извиниться, девушка развернулась к нему:

– Этот брак – лишь удобное прикрытие. Так что даже и не думай!

В полумраке она увидела, как дрогнули его губы.

– Я коснулся тебя случайно. И я никогда не предполагал, что наш «брак» станет чем-то иным.

Ариадна чувствовала себя одураченной из-за того, что он не пытался спорить: она ведет себя как ребенок! Но извиняться девушка не стала. Последним мужчиной, прикасавшимся к ней, был ее отец. «Гореть ему в царстве Гадеса!» В душе ее всколыхнулась волна ненависти ко всем мужчинам. «Ты делаешь вид, что хочешь замуж, но на самом деле никогда никого к себе не подпустишь». Да. Ей слишком страшно. «Прекрати. На свете есть порядочные мужчины,

которые не ведут себя так, как мой отец. И Спартак – один из них». Иначе почему она ждет его прикосновений?

Спартак смотрел на очертания ее фигуры, как опускается и поднимается ее грудь при каждом вздохе. «И чего эта треклятая женщина такая колючая?» Он вдруг ухмыльнулся. «Но при этом чертовски привлекательная. Может, в конце концов она все-таки передумает». И с этой мыслью он закрыл глаза и провалился в сон.

Когда он начал тихонько похрапывать, Ариадна расслабилась. Из-за облаков вышла луна, и комнату залил мягкий желтоватый свет. Спартак не шевелился, и Ариадна, к собственному потрясению, поймала себя на том, что исподтишка рассматривает его. И увиденное наполнило ее постыдным удовольствием. От уголков его глаз расходились морщинки часто улыбающегося человека – прежде Ариадна их не замечала, – а отдельные волоски в его шевелюре сверкали белизной. У шрама на носу и щеке по сторонам располагались точки – следы шва. Лицо, шея и руки были темнее тела, скрытого под туникой. Все в Спартаке, от твердого подбородка до сухощавых, но крепких мускулов, говорило о силе. Ариадна обнаружила, что ее это успокаивает, и когда ей неизбежно вспомнился Фортис, она без труда выбросила того из головы.

Сон никак не приходил.

Она вновь мечтала об объятиях Спартака.

Карбон проглотил винный осадок со дна кружки и заглянул в нее, надеясь на вдохновение. Вдохновение не обнаружилось. Оглядев неприветливую, набитую людьми таверну, он нахмурился. Здесь он его и не найдет. Это место было полно отбросов общества – полуголодных, отчаявшихся, на все готовых людей. Из женщин здесь присутствовали лишь две растрепанные подносчицы, у которых недоставало зубов, и три болезненного вида шлюхи. Единственной привлекательной деталью таверны оказалось вино – самое дешевое, какое он нашел. Вкус у вина был неплохой, учитывая его вероятное происхождение. После нескольких кружек его аромат даже начал ему нравиться.

– Еще?

Повернув голову, Карбон обнаружил, что рядом стоит хозяин таверны.

Юноша посмотрел на четыре бронзовые монеты на стойке у его левой руки – все, что осталось от двух денариев, которые дал Пакций. Помрачнев, Карбон не стал сдерживать отрыжку. По крайней мере, ему хватило ума сперва заплатить за жилье.

– Почему бы и нет?

Тут же его грубой работы деревянная кружка оказалась снова полна, а одна из монет исчезла.

Карбон кивнул в знак благодарности и сделал большой глоток. Он в бесчисленный раз принялся обдумывать свой день. Что пошло не так? План покрутиться вокруг своего бывшего дома изначально казался хорошим. Даже превосходным. Он хотел увидеть Пакция, поговорить с единственным в мире человеком, у которого до сих пор находилось время для него. И план сработал! Самнит вышел из ворот незадолго до полудня – его отправили с каким-то поручением. Карбон догнал его на следующей улице, и весь путь до форума Капуи они прошли вместе.

Конечно же, Пакций ничего не знал о его родителях, но зато рассказал Карбону, что творится в доме. Их новый хозяин, агент Красса, вроде бы не особо плох – пока что. Карбон порадовался за самнита и других домашних рабов – он неплохо к ним относился. Однако же юноша почувствовал себя униженным, когда Пакций сунул ему две серебряные монеты.

– Тебе больше нужно, – сказал самнит.

К собственному стыду, он эти монеты взял. Прощаться с Пакцием было еще мучительнее, чем в первый раз, когда он тайком ушел из дому до пробуждения родителей. «Я взял деньги у собственного раба». Его попытка вступить в армию тоже с треском провалилась. Центурион, к которому Карбон обратился, потребовал доказательств, что ему уже есть семнадцать. Карбон,

запинаясь, пробормотал, что семнадцать вот-вот исполнится. Офицер дружелюбно посоветовал ему тогда и приходите, с нужными бумагами. Карбон никак не мог выполнить это требование – все семейные документы были у отца. «Это все из-за проклятого Красса!» Он осушил кружку и со стуком поставил ее на деревянную стойку.

Услышав этот стук, хозяин таверны снова возник рядом:

– Налить еще?

– Почему бы и нет? – сердито пробурчал Карбон. – Все равно мне нечего больше делать!

Мгновение спустя у него была очередная кружка вина и всего две монеты. А вскоре осталась одна монета. Потом и она исчезла. Карбон снова оказался совершенно без денег. Прежде чем он успел сжиться с этим печальным фактом, подобралась одна из проституток и попыталась усесться ему на колени. Карбон раздраженно отмахнулся от нее:

– Даже если б хотел, мне нечем платить!

– У тебя есть вот это, – промурлыкала женщина, ткнув грязным, потрескавшимся ногтем в брошь на его плаще. – За нее я буду трахаться с тобой неделю, каждую ночь. Может, даже две недели, если ты достаточно мужчина. – Она захихикала над собственной шуткой.

– Эта вещь стоит дороже, чем твоя жизнь! – прорычал Карбон. – Отстань от меня!

На лице проститутки появилось злобное выражение.

– Да ты должен мне быть благодарен за внимание! Твои оспины кого угодно отпугнут.

Карбон вскинул руку, и женщина, скривившись, отступила. Но это была пиррова победа. Стоило шлюхе добраться до своих приятельниц, как она принялась тыкать пальцем в его сторону и глумиться.

– Жаль, что ты не мужчина! – рявкнул Карбон, делая неприличный жест. – А то я всыпал бы тебе как следует!

Проститутки в ярости зашипели. Карбон встал и, пошатываясь, направился к двери. Когда же ему повезет? Как заработать? Распахнув дверь, он вывалился наружу. Ударивший в лицо холодный воздух немного прояснил его разум. «Я выплыву, и мне станет лучше». Стараясь держаться этой мысли, Карбон свернул в узкий немощеный переулок. Несмотря на темноту, он знал дорогу обратно к инсуле с его комнатухой на чердаке. До нее было недалеко.

Мгновение спустя из таверны выскочила отвергнутая Карбоном проститутка. Ее сопровождал неприятного вида мужчина. Они крадучись двинулись следом за юношей.

Карбон узнал об этом, лишь получив сильный удар по затылку. Посыпавшиеся из глаз искры сопровождалась накатившей болью, и он рухнул, словно мешок с зерном. Упал лицом прямоком в навоз; он прекрасно ощущал и вонь, и неприятный вкус, но был слишком слаб, чтобы что-то сделать с этим или с пальцами, шарящими у него под туникой в поисках кошелька. «Сволочи!»

– Не трать времени! – произнес пронзительный женский голос. – Нету у него денег, только та брошка.

– Однако же стоит проверить, – проворчал мужчина. – Никогда не знаешь, что найдешь.

Карбон почувствовал, как его перевернули и чья-то рука ухватила его за левое плечо.

– Нет, нет! – пробормотал он, когда треснула ткань. В ответ он получил удар в лицо, и голова его шлепнулась в грязь и какие-то отбросы. Юноша был наполовину оглушен и плохо соображал. Силы покинули его.

– Перерезать ему глотку?

– Можно, – согласилась женщина. – А то вдруг он заметил, что мы пошли за ним.

«Я знаю, кто ты, и убью тебя при первой же возможности», – хотел сказать Карбон, но получилось лишь невнятное мычание. Ему запрокинули голову, и он напрягся в ожидании удара. «Что за позорная смерть!»

Наверху раздался треск – это отворилось чье-то окно. Мгновение спустя на всех троих обрушился поток мочи и фекалий. Женщина завопила.

– Гадес тебя побери! – взревел мужчина. – Что за сукин сын это сделал?

– Я, ветеран Амброзий! – проорал в ответ громкий голос. – И сейчас я выйду наружу с тремя своими рабами. Мы все вооружены мечами и копьями.

Карбон почувствовал, что тяжесть, давившая на его грудь, исчезла – бандит вскочил.

– Ну все! Я не собираюсь умирать ради того, чтобы прикончить этого придурка!

– Брось его, – пробормотала женщина. – Надеюсь, он и так сдохнет.

Карбон смутно слышал звук удаляющихся шагов. Он попытался пошевелиться, но собственные руки и ноги казались чужими. Со скрипом отворилась дверь; темноту прорезал свет масляной лампы.

Над ним склонилось озабоченное красноватое лицо.

– Ты живой?

– Вроде да. Голова сильно болит.

– Неудивительно, – хмурясь, ответил Амброзий. – Я услышал звук удара даже у себя в спальне.

Карбон попытался сесть, но Амброзий удержал его:

– Погоди.

Он ощупал виски и затылок юноши.

– Вроде бы не проломлено. Возможно, ты выживешь, – с удовлетворением произнес он. – Хватайся за мою руку.

Карбон послушался и почувствовал, как его поднимают на ноги. Грязь влажно чавкнула, расставаясь с ним, и его ноздри снова наполнили мерзкие запахи всего того, из чего складывалось это вязкое болото. Но Карбону было не до этого.

– Они забрали мою брошь. Мою единственную ценную вещь. – Он попытался двинуться следом за ворами. – Я должен вернуть ее.

Сильная рука Амброзия преградила ему дорогу.

– Я бы на твоём месте не стал этого делать. Радуйся, что у тебя не появилось второго рта на шее.

Его раб кивнул, безмолвно поддерживая хозяина.

Реальность с грохотом обрушилась на Карбона. Лучше быть в дерьме, но дышать, чем лежать мертвым.

– Да, пожалуй. Спасибо за помощь.

– Не за что. – Амброзий сморщил нос и немного отступил. – Боги, ну от тебя и воняет! У тебя есть дома ванна?

В Карбоне разыгралась гордость.

– Да, конечно, – соврал он.

– Хорошо. Надеюсь, ты не обидишься, если я не стану тебя провожать. А что до моего раба – ну, он у меня всего один... – Амброзий пристыженно замолчал.

– Ничего страшного. Ты сделал куда больше, чем сделали бы другие на твоём месте, – вышел на улицу посреди ночи. Я доберусь сам. – «Только куда?» – подумал он с отчаянием.

– Вот. – Амброзий сунул ему масляную лампу и свой ржавый гладий. – С этим у тебя больше шансов дойти.

– Но...

– Я настаиваю. Если хочешь, верни их мне завтра утром. Моя дверь – вон та, рядом с мясником. Как ты уже знаешь, меня зовут Амброзий.

– Спасибо! – искренне поблагодарил его Карбон, принимая лампу и меч. – Я завтра все принесу.

– Отлично! Тогда у моей жены не будет причин жаловаться, если я приглашу тебя на чашу вина.

Амброзий с рабом пошли к себе домой, а Карбон поплелся дальше. Короткая встреча с порядочным человеком подстегнула пламя его гнева на несправедливость жизни на новые высоты. Карбону предстояло вернуться на свой чердак, где никому не было дела, жив он или умер. Туда, где соседка-карга ночами не дает ему спать своим кашлем. Там он даже не мог вымыться! В инсуле не было водопровода, так что ему придется терпеть эту грязь до утра, когда можно будет безопасно дойти до общественных купален. Карбону захотелось, чтобы перед ним возникла напавшая на него парочка. «Я их на куски порублю!»

Конечно же, этого не произошло. Он брел к себе.

А потом неровный свет масляной лампы выхватил из темноты нечто привлекавшее внимание юноши. Он остановился и присмотрелся к оштукатуренной стене слева. На ней было нацарапано несколько корявых рисунков. Карбон придвинулся ближе, разглядывая две маленькие фигурки, сражающиеся друг с другом. По сторонам были добавлены пояснения. Карбон прочитал имена гладиаторов и восхваления в их адрес: «Хиларий Фракиец, не знающий поражений, выигравший пятнадцать боев, и Атилий Самнит, сильнейший в своем племени, убивший четырех бойцов». Где-то глубоко в сердце Карбона шевельнулась надежда вкупе с возбуждением. Вот единственный оставшийся ему путь. По нему идут прежде всего отбросы – преступники, военнопленные и рабы, но иногда на него вступают и граждане. Он может стать автократом, гладиатором на контракте. Если добьется успеха, то станет получать очень неплохие деньги.

От этой мысли губы Карбона дрогнули в улыбке. Несмотря на все, что с ним случилось сегодня, это, похоже, был знак богов.

От холода Спартак проснулся еще до рассвета. Ночью его одеяло соскользнуло. Закутавшись по самый подбородок, он стал прислушиваться к доносящимся снаружи звукам раннего утра. Пронзительное кукареканье петуха на здешнем огороде – Спартак видел его за толстыми стенами. Стук меча о решетки на окнах отведенных гладиаторам камер. Гнусавый голос Фортиса, объявляющего подъем. Шлепанье шагов по голому каменному полу. Откашливание. Характерный звук, раздающийся при сплевывании. А из-за пределов лудуса, оттуда, где раскинулся рынок, слышался гул обычной жизни, крики соперничающих между собою пекарей, мясников и прочих торговцев. От проходящей неподалеку Аппиевой дороги доносились приветственные возгласы, скрип тележных колес вкупе с мычанием волов и пронзительные вопли злонравных мулов. Все было совершенно обыденно, совсем как во Фракии. И это внушало Спартаку ненависть и отвращение. Свобода так близка и так далека! До нее как до луны. Кто бы мог подумать, что после стольких лет службы у римлян он в конце концов упадет на самое дно? Станет гладиатором. Спартак подумал о Котисе и скривился: «По крайней мере, я жив».

Раздался лязг. Это меч Фортиса словно по команде проехался по решетке их окна. За ним последовал щелчок замка отпираемой двери.

– Хватит вспахивать свою бабу, латро! Топай сюда, пока каша горячая и вкусная!

– Римский ублюдок, – уже привычно прошептал Спартак.

– Латро, ты меня слышишь?

– Слышу. – Он сел.

– Хорошо. Сегодня посмотрим, каким бойцом ты станешь. – Фортис двинулся дальше. Спартак нахмурился.

– Насчет вчерашнего вечера... – начала было Ариадна.

Взглянув на нее, он увидел в ее глазах желание помириться.

– Мне не следовало рывкать на тебя, – сказал он. – Я тогда, хоть и поймал эту тварь, был еще на нервах.

– Это мне нужно извиниться. Змея моя, и я должна следить, чтобы она оставалась в корзине. – Девушка ненадолго умолкла, явно испытывая неловкость. – Так что прости.

– Давай забудем об этом и двинемся дальше.

– Хорошо. – Почувствовав себя лучше, Ариадна улыбнулась.

– Так ты куда красивее, чем когда хмуришься.

«Я ему нравлюсь!» Разрываясь между радостью и смущением, Ариадна с трудом придумала, что бы сказать.

– Как ты думаешь, к какому виду бойцов тебя припишут? – выпалила она.

– Полагаю, к «фракийцам». – Спартак встал. – Скоро узнаю. А чем ты будешь сегодня заниматься?

– Первым делом уберусь тут как следует. Лишь богам ведомо, когда это делалось в последний раз, – неодобрительно проговорила Ариадна. – Потом хочу поискать что-нибудь такое, что может послужить алтарем для моих статуэток. Если выпадет случай, расспрошу местных женщин. Узнаю, как тут все устроено.

– Будь осторожнее. В туалет и купальню – только вместе с другими женщинами, – предупредил он.

– Не волнуйся. – Она указала на корзинку. – Я повсюду ношу ее с собой.

– Хорошо.

Она кивнула.

– И ты будь осторожнее.

Неожиданное проявление заботы с ее стороны заставило Спартака улыбнуться.

– Буду.

Он распахнул дверь и вышел.

Пребывающая в замешательстве Ариадна порадовалась, что он не увидел вспыхнувшего на щеках румянца.

Новички едва успели разделаться с кашей, как на них пришли посмотреть тренеры в сопровождении Фортиса. Это были сурового вида мужчины средних лет, вооруженные дубинкой или плетью, либо и тем и другим. Бывшие гладиаторы, тяжким трудом заслужившие свободу, – они получили рудис.

Пятнадцать мужчин выгнали во двор, под хор насмешек остальных обитателей лудуса, и выстроили в ряд. Спартак, Гетас и Севт вышли последними. Фортис тут же приступил к делу. Он принялся засыпать вопросами первого в ряду, одного из понтийских воинов, – сколько ему лет, чем он занимался раньше и каков его боевой опыт. Тот, запинаясь, отвечал на скверной латыни, а тренеры внимательно слушали. Вскоре понтийцу велели встать рядом с тренером, обучающим «фракийцев». Следующего пленника отправили в «галлы», третьего – в «самниты». Так постепенно Фортис продвигался вдоль строя. Фракийцы заушмылялись, услышав, что будут представлять на арене свой народ. В душе Спартака вспыхнула надежда. Сражаться тем, кто он есть на самом деле, – в этом была некая гордость.

– А, латро, – протянул Фортис. И улыбнулся, увидев, как закаменело лицо Спартака. – Этот тоже фракиец, – объяснил он тренерам. – Сколько лет?

– Тридцать.

– Чем занимался?

– Я был воином с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Именно тогда я в первый раз убил человека, – прорычал Спартак. – Он немного смахивал на тебя.

– Ха! Так ты настоящий убийца, а? – Фортис насмешливо приподнял брови. – А военный опыт у тебя есть?

– Я воевал в каждой летней кампании с тех пор, как стал считаться взрослым. Восемь из них прослужил кавалеристом в римских вспомогательных войсках. Я побывал в стольких стычках, что и не упомяну, и участвовал самое меньшее в шести серьезных битвах.

– И многих убил? – спросил один из тренеров.

Спартак посмотрел ему в глаза:

– После двадцати я потерял им счет. Как минимум половина из них были римляне.

Тренер буркнул нечто невнятное.

– Я тебе не верю! – возмутился Фортис.

– Это правда. А скольких убил ты? – парировал Спартак.

К его удовольствию, Фортис затряс кулаком перед его лицом. Не упустил Спартак и ухмылок, скользнувших по губам двух тренеров. «Отлично. Я тебя таки допек, козолоб несчастный».

– Ах ты, наглец! Я убил множество людей! И покруче тебя!

«В самом деле? Что-то не верится!»

– Он больше всего подходит для «фракийца». Я его беру, – сказал невысокий тренер с аккуратно подстриженной бородой; товарищи поддержали его.

– Нет, не берешь, будь я проклят! – рявкнул Фортис. – Он не будет «фракийцем».

– Почему это?

– Потому что так сказал Батиат! – самодовольно ответил Фортис. – Этот пес чересчур заносчив. И я его заставлю понять, кто он такой. Да и двух его дружков тоже.

– Тогда их беру я, – сказал третий тренер, подбирающий «галлов».

Фортис пожал плечами:

– Ладно.

Не слушая больше возражений, тренер кивнул, подзывая Спартака, Гетаса и Севта.

– Идите сюда.

Спартак не сдержался:

– Но...

Фортис в мгновение ока вытащил из-за пояса короткую дубинку и обрушил ее на голову Спартака.

– Делай, что сказано!

Полуослепнув от боли, Спартак все же кинулся вперед. Однако же Гетас и Севт не дали ему добраться до Фортиса. Они ухватили его за руки.

– Прекрати! – прошипел Гетас. – Он тебя убьет!

Фортис выжидающе наблюдал.

«Этот пес только того и хочет, чтобы я напал на него». Спартак глубоко вздохнул и расслабился.

– Ладно. Буду «галлом».

– Ты прислушиваешься к своим друзьям. Это хорошо. – Однако же Фортис не сумел до конца скрыть свое разочарование. – Продолжай в том же духе, и, быть может, ты выживешь. – Он посмотрел на тренеров. – Уверен, вам есть чему научить этих сукиных детей.

Амарант, тренер Спартака, был галлом лет сорока. Он заявил, что был свободнорожденным воином и предпочел остаться тренером в лудусе. Первым делом Амарант приказал отобранным четырем бойцам взять тяжелые щиты и деревянные мечи. Он поставил Спартака против скифа, а Гетаса с Севтом друг против друга.

– Деритесь до тех пор, пока кто-то не будет разоружен или не получит «смертельную» рану! – крикнул Амарант.

Противник Спартака был силен и яростен, но не слишком искусен. Примерно за сотню ударов сердца Спартак вышиб у скифа меч и приставил клинок к его горлу. Амарант довольно кивнул и разрешил им отдохнуть, пока друзья Спартака рубились как одержимые. Победил Севт: он опрокинул Гетаса и «прикончил» ударом в грудь.

– Я посмотрел, насколько вы умеете – или не умеете обращаться с оружием, – проговорил Амарант. – А теперь поглядим, атлеты вы или заплывшие жиром бурдюки, которыми

выглядите. – Он взмахнул рукой, очерчивая периметр двора. – Двадцать кругов, бегом. Тот, кто остановится, получит десять плетей. Если он остановится во второй раз, получит двадцать. В третий – тридцать. Ясно?

На бегу Спартак изучал тренирующихся здесь же гладиаторов. Двор был заполнен мужчинами, бегающими, как они, борющимися или дерущимися на кулаках. Некоторые поднимали тяжести. Но большинство дрались попарно, деревянными копьями и мечами, либо атаковали врытые в землю толстые бревна. Одного бедолагу порол разозленный тренер, а его товарищи смотрели.

Спартак радовался, что путь из Фракии сюда дался ему довольно легко. Хотя кормили их не особо хорошо, он все же почти не потерял ни веса, ни формы. Двадцать кругов оказались ему вполне по силам, как и Гетасу с Севтом и скифу. Когда они вернулись к тренеру, с них капал пот. Амарант что-то удовлетворенно проворчал.

Карбон добрался до своей инсулы. Он почувствовал мимолетную сладость мести, когда скрипящие под его ногами доски пола разбудили старую каргу. Но ощущение это быстро исчезло, едва та принялась кашлять. Однако же Карбон смертельно устал, и у него слишком болела голова, чтобы проклинать соседку. Не обращая внимания на слой полужидкой грязи, покрывающей его волосы, спину и ноги, он растянулся на тюфяке и накрылся потрепанным одеялом. Несколько мгновений спустя он уже спал милосердным сном без сновидений.

Пробужденный холодом очередного серого рассвета, Карбон лежал с пульсирующей головной болью и обдумывал, действительно ли это самое мудрое решение – стать гладиатором. Он долго размышлял над этим вариантом, беспокоясь, достаточно ли он крепок для безжалостного мира лудуса. Но придумать какой-либо иной выход не получалось. Постепенно исходящий от него дурной запах заставил юношу действовать. В общественных купальнях, расположенных в двух улицах от инсулы, он выпросил монетку на оплату входа у какого-то доброжелательного старика. Никогда еще Карбон так не наслаждался купанием. Только вот потом перед ним встала другая проблема – что делать с испачканной туникой и нижним бельем, лициумом. Обмотавшись куском ткани, позаимствованным у местного служителя, юноша вышел на улицу, постирал вещи в общественном фонтане и сел рядом со зданием купальни. Натянув мокрую одежду, он сердито сверкнул глазами на засмеявшегося над ним прохожего. Потом отправился к Амброзию, чтобы вернуть лампу и гладий тому самому рабу, который прошлой ночью помогал его спасать. Отказавшись от приглашения зайти и пообщаться с ветераном, Карбон направился напрямик к лудусу, расположенному за городскими стенами с северной стороны.

У входа в лудус мужество чуть не покинуло его. Карбон безмолвно застыл, глядя на толстые полосы металла, крест-накрест пересекающие деревянные двери, и на вздымающиеся над ними стены. Лудус походил на тюрьму, и ощущения от него были такие же. Изнутри доносились крики и глухой стук оружия.

– Тебе чего?

Карбон посмотрел на охранника, смуглого мужчину с копьем и щитом. Большую часть его лица закрывал помятый шлем, отчего недружелюбный вопрос звучал еще более угрожающе.

– Я пришел предложить свои услуги в качестве автократа.

– Автократа? Ты? – Охраннику удалось вложить в два этих слова беспредельное презрение.

Карбон выдержал его взгляд.

– Да.

– Копьем или мечом пользоваться умеешь?

– Да, мечом.

– Что, правда? – фыркнул стражник.

– Да, правда, хамло ты этакое! – огрызнулся Карбон. При всех его неудачах он все же стоял в социальной иерархии куда выше этого типа. – Я требую позвать ланисту!

При виде его решимости охранник лишь прищурился.

– Хочешь убиться – пожалуйста, мне-то какое дело. – Он постучал по доскам кулаком. – Открывай!

Одна из створок отворилась с пронзительным скрежетом. У Карбона заныло под ложечкой, но он твердо решил не отступать. «Юпитер Величайший и Наилучший, не покинь меня!»

Глава VI

Главные ворота лудуса открылись с противным скрипом. Этого хватило, чтобы привлечь внимание большинства гладиаторов. Тренеры, и Амарант в том числе, тоже поддались любопытству. Вошел стражник, а за ним – высокий парень в некогда хорошей тунике. Как только они очутились внутри, ворота захлопнулись с громким стуком.

– Пришел за бойцами? – высказал предположение Гетас.

– Нет, – отозвался Спартак. – Это всего лишь мальчишка. Ему никак не больше восемнадцати.

– Глянь, как держится. Наверняка из богатеньких.

– У него одежда мокрая, – заметил Спартак. – Странно.

Молодого человека повели наверх, к покоям Батиата. Гладиаторы тут же принялись строить догадки, зачем он явился.

– А ну за работу! – крикнул Амарант. – Пошевеливайтесь, дерьмо ленивое! Вы тут не будете торчать весь день!

– Внимание! – Голос Фортиса рассек воздух, словно удар плети.

Спартак поднял голову и увидел капуанца. Тот стоял на балконе, а рядом с ним – юноша, которого незадолго перед этим провели наверх. У юнца было бледное, землистое лицо, испятнанное оспинами.

– Этого молодого господина зовут Карбон, – объявил Фортис. – Он желает, чтобы его приняли в лудус автократом.

– Да он же только-только от материнской титьки оторвался! – заорал кто-то из бойцов.

– Этот придурок слишком тощий! – крикнул другой. – Он же пополам переломится, если врезать ему как следует!

По двору прокатилась волна веселья, и Карбон вспыхнул от гнева.

– Почему он здесь? – спросил Крикс. – Трахнул отцовскую любовницу, что ли?

Заинтересованные шепотки сменились дружным смехом. Хоть и не часто, но все же свободные граждане становились гладиаторами по платному контракту. Некоторые ради острых ощущений, вкуса опасности, который не могли нигде испытать. Однако же большинство приводила в лудус тяжелая жизненная ситуация. Иногда причина была в каком-то нарушении закона, но чаще всего сюда приходили из-за невыплаченных игровых долгов.

Стоящий на балконе Фортис ухмыльнулся:

– Вроде нет. Ну, так он говорит. Я не стал расспрашивать подробнее.

– Ну а чего тогда? – не унимался Крикс. – Просадил все деньги на гонках колесниц?

Терпение Карбона лопнуло.

– Не твое собачье дело!

– Что, больная тема? – парировал Крикс, сверкнув глазами.

– Заткнись! – крикнул в ответ Карбон.

– А ну подойди и скажи это еще раз! – взвился Крикс. Поскольку Карбон попросил пустить его в лудус, огромная разница в их статусе мало что значила, и Крикс это знал.

Карбон мысленно выругался. «Ну почему я не могу держать язык за зубами? Я только что разозлил мужика, здорового, как Геркулес. Даже если я каким-то чудом одержу победу, он захочет меня убить».

– Прежде чем дать согласие, Батиат пожелал увидеть, как Карбон владеет оружием, – громко произнес Фортис. – Мне нужен доброволец на один-два раунда с ним. – Его слова встретил какой-то почти животный вопль, и капуанец ухмыльнулся. – На деревянных мечях. Я знаю, что вы собой представляете, и не хочу, чтобы свой первый месяц здесь Карбон провел в лазарете. Ну, кто хочет?

По крайней мере половина присутствующих шагнула вперед, подняв руку. Спартак посмотрел на них с легким весельем. Избить благородного – тем более измотанного мальчишку в сырой одежде – у него не было ни малейшего желания. Однако большинству прочих гладиаторов эта идея казалась вполне привлекательной, пусть даже бой и предстояло вести на тупом тренировочном оружии.

Фортис молча смотрел вниз, изучая бойцов. Крикс был занят – он шипел каждому стоящему поблизости галлу:

– Отойди! Опусть руку! Это мой бой!

Кое-кто хоть и смотрел на него сердито, но повиновался. Однако многие проигнорировали Крикса.

– Похоже, некоторые сильнее прочих хотят сразиться с тобой. – Фортис сардонически глянул на Карбона.

– Отлично! – огрызнулся Карбон. – Мне без разницы!

И ему правда было все равно. Он выбросил все мысли, кроме одной: пройти вступительное испытание.

– В таком случае, – произнес Фортис медовым голосом, – ты не будешь возражать, если... – Его взгляд упал на Крикса, потом скользнул дальше. Капуанец кивнул на Спартака. – Честь приветствовать тебя в лудусе будет оказана новичку, еще не испытанному на арене?

Юноша посмотрел на фракийца. Этот человек был крепко сбит и, похоже, вполне умел за себя постоять. У Карбона все внутри сжалось.

– Давайте покончим с этим, – буркнул юноша, пытаясь говорить уверенно.

Спартак даже с двадцати шагов чувствовал гнев Крикса. Его захлестнула ярость. Фортис сделал это нарочно, не для того, чтобы Карбон потерпел поражение, а для того, чтобы настроить галла против него, Спартака, – как будто тот и без того не обозлился на него после вчерашнего вечера. Он сжал зубы. Сейчас с этим ничего не поделаешь.

– Куда мне идти?

– Следуй за мной, – приказал Амарант.

Он направился к обнесенной веревками площадке в центре двора. Бойцы уже столпились вокруг нее в несколько рядов. Спартак и его товарищи присоединились к ним. То же сделал и скиф. Они протолкались через толпу к веревкам, натянутым на уровне пояса и обозначающим границы площадки.

– Заходи, – сказал Амарант, приподнимая веревку.

Войдя на площадку, Спартак ощутил дрожь предвкушения, как перед любым боем.

– Кто поставит на Карбона? – крикнул кто-то из гладиаторов. – Парень на вид никакой, но он бы сюда не пришел, не будь так уверен в себе.

Оглядевшись, Спартак узнал Рестиона – свидетеля убийства галла. «Так он еще и ставки принимает!»

– Какая ставка? – спросил какой-то германец.

– Двадцать к одному.

– Стоит рискнуть, – хищно улыбнулся германец. – Ставлю пять денариев.

Гладиаторы тут же загомонили, делая еще большие ставки на новичка. Бизнес Рестиона прервало лишь появление на площадке Фортиса и Карбона. Капуанец нес под мышкой два тренировочных меча. Приказав Карбону снять тунику и сандалии, он развел бойцов на расстояние десяти шагов друг от друга.

Спартак посмотрел на Карбона; тот на удивление спокойно встретил его взгляд. Зеваки рассматривали мускулистую грудь и плечи римлянина.

– Ты уверен, что готов на такую высокую ставку? – сказал германец.

– Против Спартака он все равно что оципаный цыпленок, – самоуверенно возразил Рестион. – Подожди, и сам увидишь.

Потом Фортис раздал им оружие – Спартаку гладий, а Карбону – сику. Спартак крепко сжал свой меч, но пожалел, что ему не досталась сика. Карбон, непривычный к весу деревянной сики, вертел ее в руках, приравниваясь. «До чего же жаль, что я не позанимался с Пакцием подольше!»

– Шлемы и щиты! – рявкнул Фортис.

После короткой задержки появилось двое рабов. Один нес skutum, другой – маленький квадратный щит и характерного вида фригийский шлем. Первый направился к Спартаку, второй – к Карбону. Они вручили бойцам свою ношу и поспешно отошли на безопасное расстояние.

Фортис посмотрел на балкон, где уже появился Батиат. По двору поползли нетерпеливые шепотки.

– Схватка будет продолжаться, пока кто-то не окажется разоружен или не признает поражения, – объявил ланиста. – Начинайте!

Фортис выбрался за ограждение, и Спартак быстрым шагом двинулся вперед.

К этому моменту Ариадна услышала, что происходит. Встав на скамью, она выглянула в окно комнатухи. Пусть это закончится поскорее! Пусть Спартак не пострадает!

Карбону хватило ума не принимать сокрушительную атаку Спартака в лоб. Он ловко нырнул в сторону. И тут же раздалась насмешки и свист. Спартак развернулся и с убийственной скоростью бросился на юношу. Фракиец настиг его в шесть шагов. Ударив щитом в щит противника, он ткнул гладием прямо в лицо Карбону. Тот лихорадочно дернул головой вбок, и острие деревянного меча проехало по шлему сбоку.

Молниеносный ответ Карбона застал врасплох всех, и прежде всего – Спартака. Даже отшатнувшись, юноша ударил за щит и нанес Спартаку колющий удар в незащищенное солнечное сплетение. Фракиец согнулся от боли. Ему хватило ума подтянуть щит поближе к себе и отступить, но Карбон надел на него, как кот на крысу. Он обрушил на противника град ударов, метя Спартаку в голову. «Может, я все-таки одержу победу!»

– Нет! – в ужасе прошептала Ариадна. Слишком легко было представить, что это реальный бой на арене.

Некоторые зрители принялись подбадривать Карбона.

– А какие теперь ставки на римлянина? – настойчиво спросил какой-то самнит.

Рестион быстро восстановил душевное равновесие.

– Новичок зря тратит время. Всем известно, что у фракийцев невероятно толстые черепа. Спартак, наверное, даже не знает, что Карбон в него попал. – Он ухмыльнулся, и стоящие вокруг гладиаторы захохотали.

Спартак этого разговора не слышал. Он изо всех сил старался восстановить дыхание, сбитое ударом Карбона. Улучив момент, когда атака молодого римлянина замедлилась, он атаковал, словно змея. Быстро и смертоносно. Чтобы покончить с этой бессмысленной возней.

Поняв, что его атака не дает особых результатов, Карбон опустил правую руку. Пытаясь повторить предыдущий успех, он изо всех сил ударил Спартака в живот. Однако же на этот раз не смог заставить фракийца врасплох. Спартак ударом щита отшвырнул его меч в сторону и в тот же миг обрушил мощный рубящий удар на голову противника. Шлем громко зазвенел, и Карбон зашатался. У него все поплыло перед глазами. На шлеме образовалась глубокая вмятина.

«Вот тебе, скотина», – подумал Спартак.

Многие гладиаторы разразились одобрительными восклицаниями. К ним присоединилась и Ариадна. Карбон поправил шлем и встряхнул плечами. «И что, Гадес его раздери, я должен теперь делать?» Он не мог победить Спартака, никак. «Но я все еще могу произвести впечатление на Батиата».

– Бой окончен, – довольно объявил Рестион. – Зачем утруждать себя искусством фехтования, когда есть грубая сила?

Спартак неспешно подошел к своему противнику:

– Сдаешься?

Карбон решительно поднял щит и меч.

– Нет, – ответил он. Из-под шлема голос его прозвучал приглушенно. «Юпитер, помоги мне!»

– Не валяй дурака! – негромко рыкнул Спартак.

– Отвали.

Карбон не отступил и не бросил оружие. Его босые ноги вязли в песке: он двинулся к Спартаку с той же решимостью, что и раньше. Впрочем, он не вполне понимал, насколько фракиец опасен.

Тот шагнул ему навстречу и отбил удар юноши с такой легкостью, словно муху прикончил. А потом ударил щитом по щиту противника сверху вниз, и Карбон растянулся на земле. Спартак наклонился и ткнул острием меча под нижний край шлема Карбона.

– Сдавайся!

Карбон покачал головой. «Батиат должен увидеть, что я не трус».

– Что он делает?! – прошипел Рестион. – Этот придурок что, умереть хочет?

Спартак заподозрил, что у юноши есть причины не сдаваться. «Ему не позволяет гордость. Иногда смерть лучше бесчестья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.